

Руководство для ГАЗЕТНЫХЪ КОРРЕСПОНДЕНТОВЪ.
Постоянный крупный заработокъ. Цена руководства съ перес. налогами 2 р.
Адрес: Москва, над-ству „ЛУЧЪ“, отд. 2.

При ГОНОРРЕЪ
въ острой и хронической формѣ и **ТИЗЕРИНЪ**
послѣдствіяхъ ея ирригациями
Д-ра мед. Горюховской Для внутренняго употребл. Тизеринъ
совершенно безвреденъ. Цена 1 од. флак. или короб. капсулъ 2 р.
25 к. Двойного 4 р. Адресъ: Д. ру Горюховской, Москва, Дзень пер.
1-28, кв. 8, отд. 80. Отпускается безъ рецептовъ врачей.

КРУПНЫЙ ЗАРАБОТОКЪ КРУГЛЫЙ ГОДЪ

достигаю Вы, если Вы желаете работать
для насъ. Мы платимъ 2 руб. заработной
плати за каждую дюжину паръ чулокъ
или носковъ. Или если Вы желаете ра-
ботать для продажи, и также для соб-
ственныхъ надобностей.
Требования на чудотворный товаръ вездѣ и
постоянно большія. За чулки и носки,
выработанные на нашей машинѣ «ВИКТО-
РИЯ», предлагаютъ лучшія цѣны. «ВИК-
ТОРИЯ» вяжетъ одинъ чулокъ въ 15 ми-
нутъ. Наша автоматическая быстрова-
зальная машина «ВИКТОРИЯ» стоитъ
175 руб. Мы ищемъ немедленно стара-
тельныхъ вязальщицъ и вязальщицъ.
Мужчинъ, женщинъ и дѣтей. Предваритель-
ныхъ знаній не требуется. Работаніе не служитъ препятствіемъ.

Заработокъ—гарантированъ. Работа—постоянная.
ТРЕБУЙТЕ нашъ бесплатный проспектъ.
ТОВАРИЩЕСТВО ВЯЗАЛЬНЫХЪ МАШИИ
ТОМАСЪ Г. ВИТТИКЪ-КЮНАУ и Ко.
Петроградъ, Невскій пр., д. 40/42—11 в.
Лондонъ, Е. С. 114, Leadenhall St.

Издание Т-ва А. Ф. МАРКСЪ, Петроградъ, ул. Гоголя, 22.

СПЕЦІАЛЬНАЯ КАРТА ТУРЕЦКАГО ТЕАТРА

ВОЕННЫХЪ ДѢЙСТВІЙ

(Россия, Великобританія, Италия, Турція, Румынія, Греція, Болгарія
и Персія.)

Съ картами: 1) Константинополь и его предмѣстья, 2) карта всей Турціи
и 3) Босфорскій проливъ.

Съ подробнымъ алфавитнымъ указателемъ
всѣхъ (около 10.000) географическихъ названій, помѣщенныхъ
на картѣ, съ обозначеніемъ мѣстоименій и названій.
Въ 6 красокъ. Размѣръ 82×134 сант., въ масштабѣ 40 верстъ
въ дюймѣ.

Подъ редакціей проф. Ю. М. Шокальского.

Цена съ пересылкой два рубля.

ПАТЕНТЫ

(привилегіи)
НА ИЗОБРѢТЕНІЯ.

Утвержд. фабр. марокъ и моделей.

ИНЖЕНЕРЪ
Д. М. ЛЕВЕНШТЕЙНЪ,
Петрогр., Невскій, 65. Тел. 48-94. Сущ. 1901.

ПАМЯТЬ укрѣпляетъ ЗА-
ОЧНО профессор
ином., Чл. Парж. Акад., С. Файн-
штейн, ОДЕССА, Ршвед. 54/28.
Практик. в Россіи уже бол. 20 л.
съ больш. успѣх. (см. № 4 „Нивы“
пр. л.).—Присл. высл. за 10 н. мар.

УРАЛЬ ЗОЛОТОЕ
ДНО.

Громадный выборъ изящныхъ изделийъ зо-
лотыхъ вещей съ настоящими Уральскими
камнями у фирмъ

„ДРАГОЦѢННЫЕ КАМНИ“
К. А. Насоновой

въ Екатеринбургѣ.
Иллюстрированный пр.-кур. высл. безплатно.
Фирма сущест. съ 1892 г.

Продолжается подписка на издаваемый съ
Высочайшаго соизволенія
Листокъ для войскъ и народа:

„ВОЕННАЯ ЛѢТОПИСЬ“

Въ этомъ листѣ общепонятнымъ языкомъ
объясняется весь ходъ нынѣшней Великой
войны, и также выясняются тѣ пѣли, въ
достиженію которыхъ стремится каждая изъ
воюющихъ державъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ въ
листочкѣ описываются выдающіеся боевые
подвиги офицеровъ и нижнихъ чиновъ на-
шей арміи и обрисовывается въ общихъ
чертахъ жизнь войскъ на передовыхъ пози-
ціяхъ, а также тѣ событія внутри Россіи,
которые имѣютъ тѣсную связь съ войною.
Листокъ выходитъ въ форматѣ большаго
газета 3 раза въ недѣлю. Подписная плата
съ 1-го января 1916 г. во 1-е января 1917 г.
2 р. 50 к., съ 1-го января по 1-е июля
1916 г. 1 р. 25 к. Подписка принимается
въ конторѣ Военной Лѣтописи, Петроградъ,
Инженерный магазинъ Гл. Штаба.

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА на 1916 г.

на ежемѣсячный богатъ
иллюстрированный 16-ти
страничный журналъ

„ФИЛАТЕЛІЯ“

(годъ изд. 3-й).

Единственный специаль-
ный органъ въ Россіи,
посвященный вопросамъ коллекционирования
марокъ.

Всѣ новости филателии находятъ немедленно
отраженіе въ журналѣ

Подписная годовая плата, 2 руб. съ до-
вѣчной преміей, и версальской лаванды въ Россіи.

Годовые подписчики, высланные 2 руб.,
почтов. переводомъ
или погашенными рус-
скими почтов. мар-
ками, получаютъ

БЕЗПЛАТНУЮ ПРЕМІЮ
состоящую изъ трехъ
изящныхъ марокъ,
стоимостью по вѣста-
ту

Фр. 4.75

по выбору редакціи.

Подписку адресовать: МАГАЗИНУ МАРОКЪ

Э. ЭЙХЕНТАЛЬ,
Петроградъ, Невскій, 40/42.

ЖИЗНЬ

1916 г. № 13

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ
ЖУРНАЛЪ
ЛИТЕРАТУРЫ

XLVII г. изданія

Выходитъ 26-го марта 1916 г.

ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ

ОБЪЯВЛЕНІЯ для напечатанія въ „Жизни“ принимаются по стѣдующей цѣнѣ за строку издѣлываемъ въ одинъ столбчикъ (въ 1/4 ширины страницъ): передъ
1 р. 75 к. на послѣдней страницѣ обложки 1 р. 50 к.; на остальныхъ страницъ 1 р. 25 к. Къ этому № прил. „Соч. Маминъ“ кн. 21 и карта зап. (русскаго) фронта.

Главная Контора и редакція: Петроградъ, улица Гоголя, № 22.

Освобожденный отъ сбора съ доходовъ отъ денежныхъ капиталовъ

Государственный ВОЕННЫЙ КРАТКОСРОЧНЫЙ ЗАЕМЪ выпуска 1916 г.,

выпускаемый на основаніи ВЫСОЧАЙШАГО УКАЗА,

НА НАРИЦАТЕЛЬНЫЙ КАПИТАЛЪ

2.000.000.000 рублей,

двумя серіями по 1.000.000.000 рублей каждая.

Облигаціи займа выпускаются достоинствомъ въ 50, 100, 500, 1.000, 5.000, 10.000 и 25.000 рублей и приносятъ 5 1/2% годовыхъ, уплачиваемыхъ два раза въ годъ, 1-го февраля и 1-го августа. Всѣ облигаціи займа будутъ погашены 1-го февраля 1926 года.

Облигаціи займа будутъ приниматься въ залогъ по казеннымъ подрядамъ и поставкамъ, а равно въ обезпеченіе разсрочиваемаго платежа акциза и таможенныхъ пошлинъ по цѣнамъ, назначаемымъ Министромъ Финансовъ.

Держателямъ облигацій сего займа будетъ предоставлено право обмѣнять имѣющіяся у нихъ облигаціи на облигаціи Государственныхъ займовъ того же или болѣе продолжительныхъ сроковъ, могущихъ быть выпущенными внутри Имперіи въ теченіе 1916 г., причемъ въ уплату по новымъ займамъ будутъ приниматься облигаціи настоящаго займа по ихъ выпускной цѣнѣ.

Такимъ образомъ заемъ сей выпускается совершенно на тѣхъ

(См. на оборотѣ).

ОДНА КОРОБКА
НАСТОЯЩИХЪ
PASTILLES VALDA
(Лепешекъ Вальда),

правильно и во-время примѣненныхъ,

ПРЕДОХРАНИТЬ

Васъ отъ простуды, кашля, насморка.

НО ГЛАВНЫМЪ ОБРАЗОМЪ

ТРЕБУЙТЕ

во всѣхъ аптекахъ и аптекарскихъ магазинахъ

НЕПРЕМѢННО

НАСТОЯЩІЯ ЛЕПЕШКИ ВАЛЬДА

(PASTILLES VALDA)

ВЪ КОРОБКАХЪ

съ красной бандеролью,

снабженныхъ

искусомъ

VALDA

(H. Caponne, Paris).

же условіяхъ, кромѣ сроковъ купоновъ, какъ и предыдущій 5½% военный краткосрочный заемъ 1915 г.

Подписка на означенный заемъ будетъ приниматься:
въ Конторахъ и Отдѣленіяхъ Государственнаго Банка,
въ Частныхъ коммерческихъ банкахъ:

Волжско-Камскомъ Коммерческомъ,
Петроградскомъ Международномъ Коммер-
ческомъ,

Русскомъ для Внѣшней Торговли,
Петроградскомъ Учетномъ и Ссудномъ,
Русско-Азіатскомъ,
Азовско-Донскомъ Коммерческомъ,
Русскомъ Торгово-Промышленномъ,
Сибирскомъ Торговомъ,
Петроградскомъ Частномъ Коммерческомъ,
Русско-Французскомъ Коммерческомъ,
Петроградскомъ Торговомъ,
Русско-Англійскомъ,
Московскомъ Купеческомъ,
Соединенномъ,
Коммерческомъ Банкѣ И. В. Юнкеръ и К°,
Московскомъ,
Московскомъ Торговомъ,
Московскомъ Частномъ Коммерческомъ,
Московскомъ Учетномъ,

Московскомъ Народномъ,
Коммерческомъ въ Варшавѣ,
Кіевскомъ Частномъ Коммерческомъ,
Союзномъ Банкѣ (въ Петроградѣ),
Рижскомъ Коммерческомъ,
Ростовскомъ и Дону Купеческомъ,
Тифлискомъ Коммерческомъ,
Тифлискомъ Купеческомъ,
Петроградскомъ Обществѣ Взаимнаго Кре-
дита

и въ баннирскихъ конторахъ и домахъ:

Бр. Джамгаровыхъ, въ Петроградѣ и
Москвѣ,
Лампе и К°, въ Петроградѣ,
Э. М. Мейеръ и К° „
Маврикій Нелькенъ „
Г. Волкова съ С-ми, въ Петроградѣ и
Москвѣ,
М. Ашкенази, въ Одессѣ.

съ 15-го марта

по 22-го апрѣля

с. г.

включительно.

въ Казначействахъ (постоянныхъ),
въ Городскихъ общественныхъ банкахъ и въ Обще-
ствахъ взаимнаго кредита,

въ Государственныхъ Сберегательныхъ Кассахъ,
въ Учрежденіяхъ мелкаго кредита и
въ полевыхъ Казначействахъ

съ 15-го марта
по 13-го мая с. г.
включительно.

Подписная цѣна назначается въ 95%, съ прибавленіемъ текущихъ процентовъ съ 1-го февраля с. г. по день уплаты.

Лица, желающія оплатить облигаціи на всю подписанную ими сумму, производятъ уплату въ самый день подписки.

Лицамъ, подписавшимся на заемъ въ Конторахъ и Отдѣленіяхъ Государственнаго Банка, въ частныхъ коммерческихъ банкахъ и общественныхъ банкахъ на сумму свыше 500 рублей, а въ Казначействахъ, Государственныхъ Сберегательныхъ Кассахъ, обществахъ взаимнаго и учрежденіяхъ мелкаго кредита свыше 300 руб.,—уплата можетъ быть разсрочена, съ тѣмъ, чтобы 50% подписной номинальной суммы облигацій займа были оплачены въ самый день подписки, а остатокъ 50%—не позднѣе 13-го мая.

Лица, подписавшіяся въ разсрочку, вносятъ одновременно съ оплатой 50%-въ подписной суммы, также залогъ въ размѣръ 5% съ номинальной суммы оставшихся неоплаченныхъ облигацій. Этотъ залогъ можетъ быть внесенъ наличными деньгами или % бумагами.

Предварительныя заявленія о подпискѣ и уплатѣ денегъ могутъ быть принимаемы въ тѣхъ же мѣстахъ со дня опубликованія сего объявленія.

НИВА

№ 13. Выходитъ ежедн. (52 № въ годъ), съ прилож. 40 кн. „Сборника“, содерж. соч. Д. Н. МАМИНА-СИБИРЯНА, Н. ГАРИНА, А. П. ЧЕХОВА и ДЕ-НОСТРА, 12 кн. Литерат. и попул.-научн. прил., 2 новыя спеціальныя карты театра военныхъ дѣйствій, 12 №№ „Новѣйшихъ модъ“ в 12 ласт. черт. и выкр.
Выходитъ 26 марта 1916 г. Подписная цѣна съ дост. и перес. на годъ—10 р., на ½ года—5 р., на ¼ года—2 р. 50 к. Цѣна этого №—1 к. съ перес. 20 к.
Перепечатка иллюстрацій и текста воспрещается. (Законъ 20-го марта 1911 г.).

Продолжается подписка на „НИВУ“ 1916 г.

Верденъ.

Гряди труповъ у Вердена
Лежатъ германскіе полки,
Какъ обезсиленная нѣва,
Скалой разбитая въ клочки.
И близокъ день—стальные узы
Надолго сброситъ міръ земли.
Тому порукою—французы,
За братьевъ ставшіе стѣной.
Что день—страшнѣйшій одиночества,
Но сила небесъ живи!
Крушитъ германское упрство,
Какъ молотъ тяжко роковой.
Форты, окрашенные кровью,
Какъ ребра острия, торчать.

И надъ землей кровавой новью
Повисъ клубами сѣрный чадъ.
Въ тоскѣ и жаждѣ небывалой
Жестокій обезумѣлъ врагъ
И лижетъ кровью алой
Ручей и ниву, и оврагъ.
Но гаснутъ яростныя силы
И дерзновенныя мечты.
И все растутъ, растутъ могилы
И возруженные кресты.
Да! Наступаетъ часъ раслаты,
И этотъ часъ благословенъ,
Когда вступитъ, закованъ въ латы,
Въ борьбу всемірную Верденъ!

Яковъ Гординъ.

Русь поднялась. Картина В. Берингера. (XXXV выставка Общества Русскихъ Акварелистовъ 1916 года).

Рассказ.
Л. Добровраова.

С. Ил. Чижовича

Взглянул тогда своими сияющими глазами в быстро-пулвивые, черные глаза ребенка и, поглажив его по голове, промолвил, промолвив в грядущие дни:

Оплатит сердце твое великую скорбь, но мукайеи, ибо Господь неоплатит ее.

Прозорливцем называли игумена среди людей; был у него дар вглядывать в судьбу человеческую, словно незримая хартия развернута была пред очами его.

Тетка, образованная, ушла к себе в деревню и через мѣсяц послѣ этого скончалась. Власть же остался в монастырѣ, на игуменском попечении. Опредѣлили его игуменъ въ иконописную заштѣту; онъ, съ какимъ радостнымъ вниманіемъ, сѣдѣлъ мальчикъ и за теченіемъ въ небѣ ясномъ свѣтлыхъ измѣничивыхъ облаковъ, и за быстрымъ летомъ птицъ, за ярко-пестрыми одеждами цвѣтовъ, за веселою игрою солнечнаго луча на темномъ золотѣ древняго иконогеса.

Власть помогать иконописцамъ, писавшимъ святыхъ иконы, въ трудѣ ихъ, научая тонкому искусству рисунка, постигая сокровенныя тайны воздушной перспективы и сѣщенія красокъ; перочалъ умѣние чеканить червоннымъ золотомъ витой византийскій узоръ, замыкавшій съ червонныхъ сторонъ изображенія святыхъ, престолюбивыхъ, мучениковъ и архангеловъ.

Немного лѣтъ прожила Власть въ монастырѣ, а въ новой большой церкви, воздвигнутой издѣніемъ купца первой гильдіи Николая Панкратова въ честь зимняго Николая, повѣстили на правой стѣнѣ писанные Властью, образа: святого благовернаго великаго князя Александра Невского, съ готовой непокорностью, въ акасиномъ плащѣ малиноваго цвѣта, въ плащѣ великокняжескомъ, отороченномъ бѣлоснѣжнымъ горностаемъ, въ золотыхъ воинскихъ доспѣхахъ, блиставшихъ, какъ рыба чешуя, и образъ архіепископа Константинограда, святого Іоанна Златоустаго, съ десницею благословляющею.

И дивился старій игуменъ, и дивились всѣ трепетной живости изображеній, яркости красокъ, тонкости работы и небесной святости иконовъ, благоговѣнно переданной чюдотворцемъ живописцемъ.

Съ восхода солнечнаго и до вечерней алой зари работалъ Власть въ огромной, свѣтлой иконописной. Старій игуменъ, заходя въ мастерскую и глядя на работы его, радовался.

Работа, Власть, трудилъ для Господа! Пождемъ еще мало времени, и пошлю я тебя въ Санктъ-Петербургъ. Тамъ для всякихъ честныхъ художествъ устроена нарочитая академія. Въ оной поучившись, ты станешь живописцемъ преиспѣвшимъ, на украшеніе обители, вѣнчавшей тебя.

Игуменъ любилъ живопись, и дивился всѣмъ трепетной живости изображеній, яркости красокъ, тонкости работы и небесной святости иконовъ, благоговѣнно переданной чюдотворцемъ живописцемъ.

Взглянул тогда своими сияющими глазами в быстро-пулвивые, черные глаза ребенка и, поглажив его по голове, промолвил, промолвив в грядущие дни:

Оплатит сердце твое великую скорбь, но мукайеи, ибо Господь неоплатит ее.

Прозорливцем называли игумена среди людей; был у него дар вглядывать в судьбу человеческую, словно незримая хартия развернута была пред очами его.

Тетка, образованная, ушла к себе в деревню и через мѣсяц послѣ этого скончалась. Власть же остался в монастырѣ, на игуменском попечении. Опредѣлили его игуменъ въ иконописную заштѣту; онъ, съ какимъ радостнымъ вниманіемъ, сѣдѣлъ мальчикъ и за теченіемъ въ небѣ ясномъ свѣтлыхъ измѣничивыхъ облаковъ, и за быстрымъ летомъ птицъ, за ярко-пестрыми одеждами цвѣтовъ, за веселою игрою солнечнаго луча на темномъ золотѣ древняго иконогеса.

Власть помогать иконописцамъ, писавшимъ святыхъ иконы, въ трудѣ ихъ, научая тонкому искусству рисунка, постигая сокровенныя тайны воздушной перспективы и сѣщенія красокъ; перочалъ умѣние чеканить червоннымъ золотомъ витой византийскій узоръ, замыкавшій съ червонныхъ сторонъ изображенія святыхъ, престолюбивыхъ, мучениковъ и архангеловъ.

Немного лѣтъ прожила Власть въ монастырѣ, а въ новой большой церкви, воздвигнутой издѣніемъ купца первой гильдіи Николая Панкратова въ честь зимняго Николая, повѣстили на правой стѣнѣ писанные Властью, образа: святого благовернаго великаго князя Александра Невского, съ готовой непокорностью, въ акасиномъ плащѣ малиноваго цвѣта, въ плащѣ великокняжескомъ, отороченномъ бѣлоснѣжнымъ горностаемъ, въ золотыхъ воинскихъ доспѣхахъ, блиставшихъ, какъ рыба чешуя, и образъ архіепископа Константинограда, святого Іоанна Златоустаго, съ десницею благословляющею.

И дивился старій игуменъ, и дивились всѣ трепетной живости изображеній, яркости красокъ, тонкости работы и небесной святости иконовъ, благоговѣнно переданной чюдотворцемъ живописцемъ.

Съ восхода солнечнаго и до вечерней алой зари работалъ Власть въ огромной, свѣтлой иконописной. Старій игуменъ, заходя въ мастерскую и глядя на работы его, радовался.

Работа, Власть, трудилъ для Господа! Пождемъ еще мало времени, и пошлю я тебя въ Санктъ-Петербургъ. Тамъ для всякихъ честныхъ художествъ устроена нарочитая академія. Въ оной поучившись, ты станешь живописцемъ преиспѣвшимъ, на украшеніе обители, вѣнчавшей тебя.

Игуменъ любилъ живопись, и дивился всѣмъ трепетной живости изображеній, яркости красокъ, тонкости работы и небесной святости иконовъ, благоговѣнно переданной чюдотворцемъ живописцемъ.

Взглянул тогда своими сияющими глазами в быстро-пулвивые, черные глаза ребенка и, поглажив его по голове, промолвил, промолвив в грядущие дни:

Оплатит сердце твое великую скорбь, но мукайеи, ибо Господь неоплатит ее.

Прозорливцем называли игумена среди людей; был у него дар вглядывать в судьбу человеческую, словно незримая хартия развернута была пред очами его.

Тетка, образованная, ушла к себе в деревню и через мѣсяц послѣ этого скончалась. Власть же остался в монастырѣ, на игуменском попечении. Опредѣлили его игуменъ въ иконописную заштѣту; онъ, съ какимъ радостнымъ вниманіемъ, сѣдѣлъ мальчикъ и за теченіемъ въ небѣ ясномъ свѣтлыхъ измѣничивыхъ облаковъ, и за быстрымъ летомъ птицъ, за ярко-пестрыми одеждами цвѣтовъ, за веселою игрою солнечнаго луча на темномъ золотѣ древняго иконогеса.

Власть помогать иконописцамъ, писавшимъ святыхъ иконы, въ трудѣ ихъ, научая тонкому искусству рисунка, постигая сокровенныя тайны воздушной перспективы и сѣщенія красокъ; перочалъ умѣние чеканить червоннымъ золотомъ витой византийскій узоръ, замыкавшій съ червонныхъ сторонъ изображенія святыхъ, престолюбивыхъ, мучениковъ и архангеловъ.

Немного лѣтъ прожила Власть въ монастырѣ, а въ новой большой церкви, воздвигнутой издѣніемъ купца первой гильдіи Николая Панкратова въ честь зимняго Николая, повѣстили на правой стѣнѣ писанные Властью, образа: святого благовернаго великаго князя Александра Невского, съ готовой непокорностью, въ акасиномъ плащѣ малиноваго цвѣта, въ плащѣ великокняжескомъ, отороченномъ бѣлоснѣжнымъ горностаемъ, въ золотыхъ воинскихъ доспѣхахъ, блиставшихъ, какъ рыба чешуя, и образъ архіепископа Константинограда, святого Іоанна Златоустаго, съ десницею благословляющею.

скобленія грязныхъ палитръ, затрутовки досокъ и мытья кистей въ скипидарѣ. Ничего онъ изобразить не умѣлъ, и когда принимался писать, лица выходили коричнево-зеленыя, деревья — бурья и грязныя, и вмѣсто благоуспѣшнаго иконописнаго получался только соблазнъ. Отъ этого Федоръ много скорбѣлъ: слышалъ ли онъ отъ кого-нибудь, или такъ просто придумалъ ему въ горькія минуты его незадачливости, — вѣрилъ онъ, что въ Петербургѣ есть такая „Живописная книга“, гдѣ все прописано все до послѣдняго: сколько и какихъ красокъ для лицъ, какія смѣшивать краски для деревьевъ и растений, что-бы шестямъ придать подлинный цвѣтъ, какъ риговать очи святыхъ и архангеловъ, небеса съ облаками, и яркое солнце, и мѣсяцъ хрустальный, и свѣтлыя звѣзды, пурпуръ царскихъ порфиръ, складки одеждъ многоцвѣтныхъ и золотошвейную парчу епископскихъ облачений.

Часто Федоръ говорилъ Власть:

Какъ пошлетъ отецъ игуменъ тебя въ академію, разужай все о „Живописной книгѣ“ и, буде недорого стоить, купи, а ежели денегъ не хватитъ — переписи. Христа ради, хоть насчетъ ликовъ. Больно въ ликахъ-то я затруновалъ, въ случаѣ чего.

И лицо его, небольшое, худое, темными веснушками обрызганное, свѣдѣлось, словно бѣлье дѣлалось и чище.

Какъ въ плоть заводился червь, побѣдая сердечную, такъ точка тайно вошла въ душу Власть и поселилась въ ней. Самъ не зная о чемъ тосковать Власть. Глаза его потухли, какъ обгорѣвшіе уголья, плечи опустились. Старому игумену рассказали онъ о тоскѣ своей неопытной, просилъ научить, что дѣлать. Помолчалъ, игуменъ оглушитель:

Преодолей себя! Если не выдержишь — выйдешь въ на-насть.

И больше ничего не сказалъ.

Чувствовалъ Власть: давила его сита. Камни бы ворочать, деревья въ лѣсу выкорчевывать, рубить бы что — только бы тоску отогнать: не могъ работать, днемъ солнце не радовало, ночью же подступали тайные страхи.

Передъ вечеромъ раль позвалъ его Федоръ въ монастырскіе дѣла заливные: сѣнокосъ былъ.

Помель и Власть, но, идя, молчалъ всю дорогу, не понимая головы.

Стадо и ярбыко нахло въ вечернемъ воздухѣ свѣже-скошеннымъ сѣномъ: рыданья лежали оно, какъ сѣла коза. Съ одного края ряды сѣна подожали уже, и послушники дружно стремились въ невысокія конны.

Федоръ хотѣлъ поговорить о призывѣ для Власть — объ академіи той, куда хотѣлъ игуменъ послать его. И ужаснулся, когда услышалъ:

Не бѣжать бы мнѣ вовсе! Боюсь я чего — самъ не знаю. Взялъ бы да что-нибудь сдѣлалъ... Э-эхх!

Съ помутившимъ взоромъ быстро нагнулся онъ и, схвативъ крѣпко плечи, нечаянный въ скошенной полюсы, перевернулъ ихъ съ трескомъ надвое и такъ быстро, словно не были держали онъ въ рукахъ, а тоненькій карандашникъ, такъ легко хрустнулъ онъ.

Всю дорогу обратную не разомкнулъ онъ паруху закрытыхъ челюстей. Федоръ боялся сироты и робко поглядывалъ на темное лицо его.

Съ этого вечера помѣнился Власть въ лицѣ. Сошла краска со щекъ, глаза заглушили въ темныхъ орбитахъ.

Въ длительные часы ночного бодрствованія задумалъ онъ написать образъ Спасителя, идущаго на утренней зарѣ по узкой тропинкѣ, между травъ и бѣлыхъ лилій, покрытыхъ еще каплями ночной росы. Не отходя, работалъ онъ въ иконописной — бросалъ вдругъ въ самомъ началѣ.

Сидѣлъ, опустивъ руки на колѣни и глядя въ стѣну, въ окно, а губы сжаты, и межъ бровей дѣл темныя, глубокія морщины. Ходилъ одинъ въ монастырскомъ саду, нагнувъ низко голову

Къ разсказу „Крестъ“. ...Пала въ ноги игумену и, плача, просила принять мальчонку.

и бородашкой касаясь груди, и все думать. И за церковными службами стоять каменный, сѣдивъ у груди нальши. Одернуть его не сразу опомнится.

По праздникамъ все среди нищихъ бродить, говоря съ ними, и умышлять разъ Федоръ отъ него:

— Въ пищемъ видѣ спасеніе души, въ голодѣ, холодѣ, въ рунѣ. А мы согрѣты, обуты, одѣты... Гдѣ тутъ!.. Тяжести на насъ нѣту.

Пришелъ къ игумену и, упавъ ницъ, попросилъ:

— Благословите въ древоколы, на послушаніе.

Игуменъ главою понылъ.

— Себя смирять!

Смирять, — въ землю глядя, отвѣтилъ Власть.

Берегись искушеній, сынъ мой! Гордыня изъ смиренія произрастаетъ.

Вздохнувъ, благословилъ его и, отпуская, положилъ руки на голову ему.

„Но Самъ мя заступи и спаси, Спасе мой!“ Помни, сынъ мой! Дѣлъ слезъ, тяжелья и большия, упали изъ глазъ Власть: такъ черная, дымящая туча скупо роняла капли дождя, низко и тяжело проползая надъ землею.

Федоръ обомлѣлъ, упавъ отъ Гервасія о новомъ послушаніи Власть. Вѣрилъ не хотѣлъ, что останеться иконописцемъ безъ него, и побѣжалъ на черныи дворъ, гдѣ колыли дрова.

Безъ подрясника, по локоть загучивъ рукава бѣлой сорочки, яростно замахиивалъ Власть тяжелымъ сверкающимъ на солнцѣ, говоромъ, и послѣ каждаго замаха раздавался трескъ, легкій въ началѣ и густой и замедленный въ концѣ потѣна, и надвое раскололся, падали въ стороны дрова, а Власть разсѣкать новыя и поныя потѣныя, одно за другимъ, и лицо его, въ поту, было сумрачно, точно не простое деревянное поленце, а врагъ своего икононаго и досадителя разрубать онъ, такъ тяжело и сильно и сурово замахиивалъ онъ топоромъ, и такимъ гнѣвомъ, блещали глаза его.

Федоръ ничего не сказать, слова не проронилъ; поглядѣлъ, постоялъ, вздохнулъ иронично: „помогай, Господи!“, и понуро, въ печали побрѣлъ въ иконописную. Плакать ему хотѣлось: пропала надежда на „Живописную книгу“.

Въ свѣтлой мастерской пусто показалось ему безъ Власть. На мольбертѣ стоялъ неоконченный образъ Николы-угодника, съ небольшою церковною въ рукахъ, и такъ хорошо изобразилъ, былъ Миръ Ликийскій чудотворецъ, что никто не дерзнулъ свой кистью докончить недописанныя складки зеленой феломы въ золотыхъ крестахъ и подолъ бѣлаго шелковаго подрясника общитаго серебристымъ лѣпнымъ позументомъ.

Изнемогалъ Власть къ вечеру послѣ работы съ дровами, но

почамь бичевать себя по широким обожженным плечамъ тулою переночной плетью. Чѣмъ сильнее жгли короткіе, сильные удары, чѣмъ острее пыла припухавшая кожа, тѣмъ просвѣтлѣе становилось лицо его. Падали нѣдѣ передъ Спасовымъ образомъ, трепетно шепча:

— Но Свѣтъ мѣ заступилъ!

Гервасій, насмѣшливый и злой, скорбѣвшій о томъ, что игумень пристрастенъ къ мірскому, — шутка ли, цѣлы самъ сажаетъ, водою поливаетъ, не игуменское это дѣло! — въ окно подсматривать потихоньку ночныя моленія Власа и бичеваніе его, а наутро въ иконописной чавкалъ вязкимъ чѣмъ-то во рту:

— Намъ-то... Власій... въ постничество ударился... Власій-то! Дѣл! Мало ему иконописной, — по иноческой части отличился хочеть!

Трясъ бородашкой своею рыжей, рѣдѣнкой, что навѣшанъ ошпанной хвостъ, и глазами своими улыбаясь, едкими и лживыми. Улыбаясь, узоръ для чепанки клалъ на доску и покрывалъ его золотыми тонкими-претонкими лепестками, такими тонкими, что отъ легкаго дыханія сворачивались.

Всегда недоволенъ онъ былъ чѣмъ-нибудь сотницею — за то, что свѣтитъ ярко, глаза слѣпнеть, и душу отъ него очень Власомъ — за то, что рисуетъ очень хорошо, всѣхъ лучше, стало-быть, надъ всѣми превозносится, гордостью обунтъ; Федоромъ — за то, что дикіе свѣтитъ на иконахъ его зеленые, мертвые, будто, не-благодаря-то: игуменомъ былъ онъ недоволенъ за то... за неистинные порядки. Ежели ты истинный игумень, ходи степенно, носомъ ступай, братію во грѣхахъ обличай, призывай къ покаянію. А онъ нате: самъ первый соблазны разводитъ, на фидгармоникъ играть, птица у него женскаго полу, канарейка, цвѣты на омахъ, кѣкъ у куштовъ поставлены. Неблагодарно! Говорить когда, усмѣхается все, радуется. А чѣмъ радуется, неизвестно. Монаху приличны скорби, а не радости. Можетъ, онъ не радуется, а попросту насмѣхается надъ всѣми. А насмѣхательство — грѣхъ большой и гнѣбный предъ Господомъ, заде папашинки — все одно, что злонизміе, а за него на томъ свѣтѣ бѣсы на языкъ раскаленнымъ варомъ прыснутъ.

Начнеть Гервасій говорить такъ истонить всѣхъ. Чавкаеть медленно въ языкъ и клейкимъ во рту, нудить-нудить и все возмущаетъ:

— Помилуй насъ, Господи, шоконъ оградо!

Къ разсказу „Крестъ“.

...И дивился старый игумень, и дивились всѣ трепетной живости изображеній.

Всѣхъ задѣвать словомъ, одному Власу никогда, ничего. Боялся роста его и силы непомѣрной. Какъ только Власъ ходилъ сталъ на дровяной дворъ, сталъ жматься туда и Гервасій. Придетъ, станеть поодаль и елейнымъ голосочкомъ:

— Помогай, Господи! Дровамъ зачнмается! Такъ, такъ...

Постонѣть, помолчать, глазами пошныбается, забереть бородачку въ горсточку, головку набокъ.

— Трудное это дѣло съ дровамъ распорядиться, ежели кому... иконы ежели принимали кто писать. Совѣтъ даже не подходящее занятіе...

Власъ глазомъ только поведеть.

— Ничего, ко всякому дѣлу привыкнуть можно.

— Ничего-то оно ничего, а все-таки... скажемъ такъ... Ежели зарядъ-пороху на иконописание, можетъ, какъ сказать... не дватаеть... тогда, братъ, ау! хоть дрова кози... Бываетъ, который иконописецъ пишеть-пишетъ, да истонаетъ... всѣ у него на одно лицо...

Власъ вздрогнуть весь, будто пакой его сзади ударили. Топоръ въ землю и долго смотритъ на Гервасія.

— Ты это... къ чему?

Заторопился Гервасій, замотается, засуетится, нозы подрысника начнеть одергивать, а глаза кутить-кутить.

— А такъ просто, такъ, для разсужденія... такъ. Кому, значить, какая споровка! Кому — образа писать, кому — дрова колотъ, кому, значить, другое какое посязаніе. Я про это самое, про это вотъ самое.

Власъ помолчить.

— Ты... уйдѣ-ка лучше отсюда!

Гервасій ближе къ воротамъ заторопится и оттуда чавкаеть:

— Чѣдъ такъ? Ай твой, что ли, дворъ-то!

Будто параники, выстунытъ на глазахъ Власовыхъ красныя щечки.

— Уйдѣ-ди!

Толсъ ошуеться нѣко, погрозибеть, а Гервасій за ворота поспѣнаеть, ногами шипетая, прочь катится и все куколемъ своимъ трясеть, точно пѣтухъ гребнемъ.

Власъ дальше колеть дрова, но не попрежнему: завертятся мысли, точно колесо съ зубьями, мысли объ иконописной, о краскахъ яркихъ — никогда не насмотрѣться на нихъ, объ иконѣ недо-конченной — Спаситель, шествующій между бѣлыхъ лилій и розныхъ травъ... И вдругъ радомъ съ этимъ колесомъ завертятся другое и зубьями своими начнеть зашнпять за другіе зубья — больно станеть отъ мыслей о жизни своей монастырской, о мірѣ, во злѣ лежащемъ, по слову апостола: въ мірѣ помянеть, туда, къ деревенкамъ, къ лѣсамъ, чѣдъ егъ видны въ синей дали, къ работѣ другой, въ нищету виду, къ слезамъ людскимъ, къ горю человѣческому...

А дрова колотъ — все равно пустое занятіе: ни радости отъ этого дунѣ ни облегченія.

III.

Съ миромъ почилъ о Господѣ старый игумень.

Когда внести его, зашнпато съ голопой въ черную мангію, въ монастырскій храмъ и поставили дубовый гробъ его на катафалкѣ, помятъ тогда Власъ, что крѣпкая опора отошла отъ него, и остался онъ одинъ, совѣтъ сирота, безъ отца, учителя и наставника. Какъ лодъ, застылъ онъ въ своей великой печали, не выходя изъ храма до дня погребенія. Когда же погребли игумена и на моилъ его стать дубовый крестъ съ надписью о надеждѣ воскресенія въ день послѣдній, Власъ пришелъ въ свою келейку, легъ на постель, къ стѣнѣ лицомъ, и такъ остался лежать безъ движенія, будто и онъ умеръ, и вмѣсто него лежить его окоченѣвшій трупъ.

Приходилъ Федоръ, жалобно кликать сквозь слезы — Власъ не отзывался.

На третій день вынелъ онъ изъ кельи, шномъ страшный и дикій, словно больно долго и не оправился совѣтъ. Придя въ иконописную, мотча отеръ пылъ съ начатаго образа Спасителя, и быстро забѣгала рука его, вода кистью, словно боялся Власъ, что не успѣеть сдѣлать къ какому-то сроку.

Федоръ радостно-робко косилъ глазами и быстро крестился. Сердце его несето стужало: ожига въ мысляхъ „Живописная книга“. Отрадно было сдѣлать, какъ оживали подъ рукою Власа тропинка, хитонъ Спасителя и ошныя головки цвѣтовъ.

Къ разсказу „Крестъ“. ...Вздохнувъ, благословилъ его и, отпуская, положилъ руки на голову ему.

И Гервасій тускло поглядывать на Власа. Накладывая тонкіе-претонкіе золотые лепестки на мшиарисную доску, чавкалъ-бубнилъ про себя:

— Вотъ, ужъ, новый игумень прѣидеть!.. Онъ васъ всѣхъ вотъ какъ разрисуетъ!

А Федоръ упрашивать его шонотомъ:

— Помогалъ бы, въ случаѣ чѣдъ! Неужель не можешь безъ этого?

Власъ же, горя сердцемъ, не слыхалъ никакихъ разговоровъ. Новато игумена не долго ждали. Владыка назначилъ своего, молодого и ученаго, чѣдъ съ собою изъ Москвы вывезъ.

Строгий былъ новый игумень, строго поздоровался съ братіей, строго было его лицо, строго бистѣти золотыя очки, и голосъ его былъ жесткій, немилостивый.

Войдя въ иконописную, онъ остановился предъ картиной Власа.

— Это чѣдъ?

— Спаситель, шествующій по гравамъ...

Нахмурился игумень, губы сжалъ.

— Евангеліе повѣствуетъ намъ, что Спаситель уединялся лишь во время сорокадневнаго поста и передъ предательствомъ Іуды. Все же остальное время проводилъ онъ среди учениковъ своихъ... Картины замажь!.. Въ монастырскихъ иконописныхъ подобасть одно лишь иконописание, а отнюдь не картинописаніе, хотя бы съ мыслію благочестивою... Тебя какъ звать?

Къ разсказу „Крестъ“. Съ миромъ почилъ о Господѣ старый игумень.

Власомъ, ваше высокопреподобіе.

— Гдѣ проходилъ посязаніе?

— Въ иконописной, потому дрова рубилъ...

— Въ наказаніе!

— По своей волѣ.

У инока нѣтъ своей воли! Запомни!.. Распущены вы всѣ здѣсь, говорили мнѣ люди свѣдущіе. — Игумень оглядѣлъ Власъ — Въ келейникъ ко мнѣ! Грамотный!

— Грамотный.

— Такой-то мнѣ и надобеть!

Новый игумень заветъ и порядки свои. Цвѣтники, благоухавшіе передъ игуменскимъ домомъ, срытъ приказалъ и желтымъ песочкомъ помянать для аккуратности. Голубей велѣтъ продать, канарейку и цвѣты игуменскіе отослать въ городъ соборному протопопу. Половину живописцевъ приставилъ къ хозяйственнымъ работамъ, ибо инокамъ причнствуетъ трудиться въ погѣ лица своего. А иконописание — дѣло хотя и благочестивое, но чрезвычайно легкое, и потому лучше предоставить оное мірянамъ.

Игумень былъ человекъ очень ученый. Дѣдъ ошныя, толстыя книги, написанныя его рукою, лежали на столѣ; больше половины неписана была грѣтъ. Власъ названіе прочелъ: „Обзоръ учевій о христіанской нравственности“.

Игумень обучилъ Власа ва пишущей машинкѣ писать. И цѣлые дни выцѣлкивалъ Власъ игуменскія писанія. Новый игумень хвалить его письменные труды. Иначе только хвалить, нежели почившій. Возмечъ неписанный листъ, согнѣтъ-читаетъ, а лицо у него сердитое и нахмуренное; прочитавъ, скажетъ — обругаетъ будго похвалой:

— Изрядно! Трудись! Трудиться причнствуетъ каждому человеку, а наипаче — иноку. Не трудящійся же — суть тунеядцы.

Келейное посязаніе свое принялъ Власъ, какъ Богомъ данное, для перѣтны мыслей и чувствъ, для смиренія гордыни. Безпрестанно ступа игумену, не нѣтъ минуты свободной помыслить о себѣ. Не понимать онъ того, что мыслями перѣтны не было, а припалъ онъ, по темнымъ угламъ будго разбѣжалъ и тамъ сжоронились, выжидая, когда онягъ можно выбѣжалъ нѣтъ и весело и страшно закрутятся вихремъ въ душѣ Власа.

Сталъ Федоръ зааживать къ нему въ келейническую. Придетъ, сидѣтъ на лавкѣ и сидѣтъ, подпиралъ сухимъ своимъ маленькимъ кулакомъ, и вздыхаетъ. Тосковалъ по иконописной: оттуда его, по игуменскому повелѣнію, къ монастырскимъ коровамъ приставили, на выгонѣ гонять. Сидѣтъ, молчитъ, потомъ потихоньку жалуетъ: хорошо было при покойномъ отцѣ игуменѣ, а теперь — тяжело даже мимо иконописной проходить, сердце захлонеть: нѣтъ входу больше въ иконописную. Хотѣлъ зайти — выгнали: зачѣмъ, говорить, шляешься безъ толку?

Уйду я изъ обители, ей-ей! Въ маляры поступлю въ городѣ, подсоберу деньжонокъ, въ случаѣ чѣдъ, и раздобуду себѣ Живописную книгу!

Лицо его съ востренькимъ носкомъ, темными веснушками забрызганное, печально было: вотъ-вотъ заплачетъ.

Власъ не утѣшала его. Сидѣтъ — каменный и — ни слова, рта не раскроетъ. Рукою бородаку свою — черныя колечки шелковыхъ подергиваетъ, а глаза — въ стѣну, и глаза каменные затонутъ.

въ глубокихъ орбитахъ и точно темные камни изъ воды выглядываютъ.

Не желаю я съ коровами заниматься, въ случаѣ чего! — сидитъ-бормочетъ Федоръ. — Жизнь отъ меня оняла, можетъ, изъ иконописной прогнавши... Не желаю!.. Я поетрину не принимаю, я — въ рисофоръ: замолчать ушелъ, въ случаѣ чего! Я, можетъ, ради иконописной на обители состояю, это еще неизвестно! А насчетъ коровъ скажу тебѣ: занятіе мнѣ совсѣмъ даже неподходящее. Отъ Гервасія мнѣ ни шагу ни проходу: коровій командиръ да коровій командиръ!.. Я молчу, въ случаѣ чего. Я — терплю-терплю, да возмю и нгузну пожадуюсь!

Вдохнуть, зачлнить. А, помолчавъ, онягъ начнетъ на свою судьбу жаловаться. А Власть буго и не слышитъ: затонувшие

глаза — въ стѣну, самъ каменный, рукою не шелохнеть, не дышитъ.

Всегда молчалъ, теперь словно обѣтъ молчанія на себя принявъ. Случилось, быкъ взбѣлся въ монастырекомъ стадѣ. Никто не рѣшался подступитъ къ нему, цѣнь на него набросить. Власть пошелъ. Застыли всѣ: думали, не вернуться ему — на вѣрную смерть идти. Была минута, чуть Власть не погибъ, но справился съ быкомъ. И молча къ себѣ пошелъ, ни разу не глянувъ даже на Гервасія, что подлѣ суетился, въ подрясникъ своею путаясь и чавкать свое вязкое по рту:

— Можно сказать, яко древле Самсонъ, яко Давидъ на Го-
ліава. тако мы на быка сего злонравнаго! Ай-да мы!

(Продолженіе слѣдуетъ).

Въ усадьбѣ.

Рассказъ А. Лазарева-Грузинскаго.

I.

Полковникъ Шадурскій уже нѣсколько лѣтъ жилъ въ имѣніи въ отставку, но онъ былъ старымъ боевымъ офицеромъ и, когда началась война, тотчасъ же вернулся на службу. Нѣсколько мѣсяцевъ судьба хранила его, несмотря на все презрѣніе полковника къ опасности, но въ половинѣ февраля онъ израненнымъ добрался до усадьбы и, прохворавъ около мѣсяца, умеръ отъ ранъ. Его геройствомъ восхищались товарищи, и раза два или три громкая вѣсть объ его подвигахъ проникала въ большую публику черезъ печать. А теперь онъ тихо лежалъ въ тихомъ фамильномъ склепѣ, совершивъ въ предѣлахъ земныхъ все земное и отдавъ жизнь свою за славу и счастье родины, — самое большое, что можетъ сдѣлать человѣкъ. Два старшихъ сына Шадурскаго не могли прѣхать на похороны, потому что были ранены и лежали въ далекихъ лазаретахъ, а младшій, Михаилъ Павловичъ, прихворнулъ и подолбавшимъ прѣхалъ съ женой къ самымъ похоронамъ. Дорогой Наташа, жена его, пробовала утѣшать мужа: она клала свою маленькую ручку на плечи Михаила Павловича, но не знала, что сказать, что говорить въ этихъ случаяхъ, глядя на него нѣжными глазами (ихъ свадьба была меньше года назадъ) и тихо шептала:

— Не грусти, Мишень. Ничего не подѣлалъ. Притомъ же папа былъ уже старъ.

Михаилъ Павловичъ плохо слушалъ жену и отвѣчалъ разсѣянно:

— Да, да, конечно.

Отецъ былъ дѣйствительно старъ, но разумъ плохо мирился съ тѣмъ, что другимъ казалось естественнымъ, и сердце сжимало тоска:

— Зачѣмъ онъ умеръ? У него была крѣпкій организмъ. Почему не сознали больше докторовъ, профессоровъ? Можетъ-быть, они спасли бы его!

Михаилъ Павловичъ былъ младшимъ любимымъ сыномъ, и самъ обожалъ отца. И въ памяти его, какъ это часто бываетъ съ людьми послѣ смерти близкихъ, вставали тѣ мѣлкія обиды и оскорбленія, которыя онъ приносилъ отцу и которыя теперь страстно хотѣлъ бы вернуть назадъ.

Зачѣмъ я сдѣлалъ это? — спрашивать себя Михаилъ Павловичъ и украдкой отъ Наташи смахивалъ слезы съ широко открытыхъ грустныхъ глазъ.

Въ день похоронъ была ясная погода, и солнечные лучи золотили прошлогоднюю, рыжую, давно уже освободившуюся отъ снѣга траву, но въ день похоронъ для близкиихъ не бываегъ хорошей погоды, и всѣмъ казалось, что день тусклъ и скученъ, и надъ всей усадьбой повѣяла смерть владыка лежигъ пихая грусть: съ тихою грустью голубой дымъ распространялся по воздуху изъ трубъ усадьбы: съ тихою грустью старые клены качали нагими вѣтвями надъ заборомъ у сада, и съ тихою грустью скрипѣли скворечни, пригтовленные для скворцовъ.

Въ имѣніи съѣхалась олаяшая компания, кромѣ тѣхъ, кто постоянно жилъ въ немъ: постоянно жили двѣ незамужнихъ дочери и мать, которая теперь была убита горемъ и тихо плакала, когда оставалась одна. Замужнихъ было три сестры. Онѣ прѣхали на похороны вмѣстѣ со своими мужьями, кромѣ одной, бывшей замужемъ за хирургомъ, который работалъ гдѣ-то въ большомъ госпиталѣ и не могъ бросить больницы.

Варвара Петровна, мать Михаила Павловича, увидя сына, потянулась къ нему и разрыдалась на его плечѣ, повторяя:

— Какое горе, Мишень!

Но потомъ стала спокойнѣе: самый младшій изъ всѣхъ, Михаилъ Павловичъ былъ и ея любимцемъ, какъ былъ любимцемъ покойнаго отца. Усѣвшись въ кабинетъ, она разсказала сыну и повѣсткѣ о послѣднихъ дняхъ и смерти мужа, разсказала довольно спокойно и связано, чего трудно было ожидать. Но во время разсказа она припоминала то, что сказала и сдѣлалъ покойный: все время память ея рисовала его живымъ, и ей было не такъ

трудно. Когда же она дошла до смерти мужа, сынъ поцѣловалъ старушку и сказалъ, замахавъ руками:

— Я знаю остальное, мама. Не надо, не говори!

И ему удалось удержать ее отъ рыданій и слезъ.

II.

Глубокой трауръ отъялиа блѣдность женскихъ лицъ. Наташѣ, недавно вошедшей въ семью Шадурскихъ, было отъ души жалъ дѣвушкамъ, — Марусю и Зину. У замужнихъ сестеръ были свои интересы, своя семья, и печаль ихъ должна была скорѣе ратѣяться, но незамужнія дочери сжались съ отцомъ, и съ его смертью въ усадьбѣ становилось грустно и пусто, смерть вынимала изъ усадьбы часть души.

Особенно дружна была молодая женщина съ Зиной: съ благодарностью она вспоминала ту привѣтливую, съ которой Зина встрѣтила ея вступленіе въ нѣе семью.

— Любите Мишу... Онъ хорошій и васъ безконечно любитъ! — говорила она, когда Наташа была невѣстой Михаила Павловича.

Мнѣ вы тоже нравитесь. Я такъ рада, такъ рада.

Ея розовыя губки смѣялись, и въ темно-сѣрыхъ глазахъ было столько радости, что заневодрѣтъ ея искренность было нельзя. Да она и была искренна.

Теперь темно-сѣрые глаза покраснѣли и опухли, а на губахъ, вмѣсто смѣха, была скорбь: смерть — это жница, которая уноситъ съ поля все, что радуется взгляду, и оставляетъ унылую пустошу пашни, низко срезанные желтые стебли, комья черной земли.

Столкнувшись съ Зиной въ залѣ, Наташа взяла ее подъ руку и черезъ балконную дверь вышла въ садъ.

На желтыхъ просохшихъ дорожкахъ валились груды сухихъ, прошлогоднихъ листьевъ, шуршающихъ подъ ногами: ихъ, вѣроятно, некому было убирать въ дни болѣзни хозяйина и въ похоронныхъ хлопотахъ, потому что тогда для каждого нѣе сдугъ находилось дѣло. Или, быть-можетъ, ихъ только сметали въ кучи, и вѣтеръ весны разносилъ эти листья онягъ по дорожкамъ.

Мяко ступая по листьямъ, женщины прошли къ пруду: небольшой, мутный по-весеннему прудъ, чуть-чуть плескался въ пожелтѣвшихъ берегахъ и не отрывалъ голубого неба; красные и рыжіе листья, какъ яркія бабочки, мелькали посреди пруда; темная угка ныряла и отрывалась въ дальнемъ углу.

— Мнѣ жалъ тебя, Зина! — шепнула Наташа дѣвушкѣ. — Но что же дѣлать? Не горюй! — Она помолчала и добавила то, что говорила мужу: — Папа былъ старъ.

Зина покачала головой отрицательно: отецъ, вѣротно, не казался ей старымъ: глаза ея сдѣлались сканными, взглядъ неподвижнымъ, какъ будто она видѣла то, чего другіе не могли видѣть; у самой воды она медленно сказала:

— А Горенки папа отказалъ вамъ!

Наташа подняла голову.

— Какія Горенки? — съ недоумѣніемъ спросила она.

— Имѣніе подъ Киевомъ. Будто не знаешь?

Холодная нотка звучала въ голосѣ Зины; Наташа смутилась.

— Горенки? Ахъ, да, — сказала она.

Она, конечно, знала, что такое Горенки и гдѣ находятся Горенки, но ея мысль была далека отъ завѣщанія, отъ Горенковъ, отъ наслѣдства, часть котораго послѣ смерти отца Михаила Павловича переходила къ нимъ.

А Зина продолжала съ тѣмъ же неподвижнымъ взглядомъ:

— Горенки — хорошее имѣніе.

— Да?

— Доходное имѣніе. Тамъ аренда плата за землю ве та, что

здѣсь.

— Выше?

— Ну, конечно. Можетъ-быть, раза въ два.

Наташа спросила у дѣвушки что-то о матери, но та не разсуждала; живая своими мыслями, она шептала задумчиво:

— Я не ожидала этого. Нѣтъ.

Что? — спросила Наташа.

Зина отъѣхла хмуро:

Ахъ, ничего. Не обращай вниманія: я такъ.

Возвращаясь, онѣ прошли по дорожкѣ недалеко отъ скамьи, на которой сидѣли мужья двухъ замужнихъ сестеръ; покуривая сигары, мужчины горячо говорили о чемъ-то и не замѣтили ихъ. Но до слуха Наташи долетѣли обрывки ихъ разговора.

— Странное завѣщаніе! — сказалъ одинъ.

Другой возразилъ:

Но вѣдь дочери выдѣлены раньше?

Не все ли равно? Наслѣдство такъ велико, что и имъ можно

было хотѣть что-нибудь удѣлать.

А пора бы вѣать!

Да, меня уже давно въ городѣ ждутъ дѣла.

III.

Маруся глядѣла болѣе хмуро, чѣмъ Зина: но съ Марусей и ранѣе Наташа близка не была. Увидя ее въ гостиной плачущей, уткнувшейся въ диванную подушку, Наташа хотѣла пройти мимо, но Маруся подняла отъ подушки голову и сказала:

Подожди!

Медленно вытеревъ глаза, она сиротата платкомъ въ карманъ и прямо взглянула въ лицо Наташѣ.

А вѣдь мама откакала Горенки намъ, сказала она.

Наташа покачала плечами.

— Можетъ-быть.

Вамъ!

Въ ея голосѣ слышалась досада, и молоденькая женщина подумала со страхомъ: не объ этомъ ли, не о Горенкахъ ли плакала Маруся?

Вечеромъ она сказала мужу, когда они остались одни:

— Ты замѣтилъ? Вокругъ насъ творится что-то странное, Мишень. Я ничего не понимаю. Говорятъ, папа отказалъ намъ Горенки!

Говорятъ.

Зачѣмъ онъ сдѣлалъ это?

Но вѣдь сестры уже выдѣлены.

Вѣсь?

Вѣсь. Замужнимъ дана ихъ доля въ приданое. Марусѣ и Зинѣ давнымъ-давно выдано на руки. Мама, по слухамъ, папа завѣщала Шадурское, каждому сыну имѣнье. Мнѣ — Горенки.

Можетъ-быть, Горенки лучше другихъ?

Можетъ-быть.

Михаилъ Павловичъ поглядѣлъ бородаку и сказалъ задумчиво:

— Кажется, въ Горенкахъ есть небольшой домъ. Но во всякомъ случаѣ, если Горенки лучше, — могли бы волноваться и быть въ претензіи братья. При чемъ тутъ сестры? — Онъ повелъ плечами. — Признаться, я не понимаю рѣшительно ничего.

Наташа тоже ничего не понимала, въ чемъ призналась раньше. На душѣ ей было смутно, когда она ложилась въ постель. Спалоу ей плохо: она часто просыпалась и видѣла тревожные сны. Она видѣла, что на нее надвигается опасность, которой она не знаетъ, но отъ которой должна спастись: она слышала шорохъ, чья-то шагъ, брѣгалась бѣжать, но ноги плохо слушались ея, а слѣдомъ звучали тѣ же шаги, и опасность съ каждой минутой была ближе и ближе. Проснувшись, она утѣмъ съ головой болѣю и была рада, что въ окошко было видно вчерашнее голубое небо, тѣ же золотые лучи, и можно было вставать.

Въ этотъ день рѣшено было читать завѣщаніе, и передъ завтракомъ вся семья сошлась въ кабинетъ покойнаго. Мужчины были сдержаны, но изъ женщинъ, кромѣ вдовы, погруженной въ свою старую и тихую печаль, всѣ волновались, и Наташѣ казалось, что это не тѣ лица, которыя она видѣла раньше, даже вчера, что кто-то подмѣнилъ ихъ. Жадность и любопытство етерли съ нихъ быдую скорбь, и по нимъ трудно было представить себѣ, что въ этой грустной комнатѣ готовятся читать такой грустный документъ, какъ завѣщаніе. Дьяволъ скупоности разбилъ, дражное зеркало, разбилъ его такъ, что осколки попали всѣмъ женщинамъ въ глаза, замутили ихъ взглядъ, и корысть глядѣла оттуда. Спокойнѣе другихъ, какъ это ни странно, кромѣ вдовы и Наташи, глядѣла одна изъ замужнихъ дочерей, — франтиха, которая, по слухамъ, на наряды успѣла сжечь почти все приданое. Быть-можетъ, тѣ пятнадцать, двадцать тысячъ, которыя въ тучишемъ случаѣ могли прійтись на ея долю, казались ей слишкомъ мизерной суммой, чтобы волноваться; о ней говорили, что въ иной вечеръ она проигрывала и выигрывала въ клубѣ тысячу на три, по пяти.

Въ общихъ чертахъ завѣщаніе было известно, и новаго оно не сказало ничего: сыновьямъ было отказано по имѣнію: Михаилу Павловичу — Горенки, въ Варварѣ Петровнѣ переходило Шадурское; дочерямъ, какъ ранѣе выдѣленнымъ, не было от-
казано ничего.

Во время чтенія шопотъ, неподованія походило на шумъ далекаго прибоя: къ концу онъ все росъ и росъ, будто прибой на-
двигается, и когда чтеніе было кончено, Зина съ горечью спросила у матери:

Гдѣ же справедливость? Какъ вы могли допустить такое завѣщаніе, мама!

IV.

Одинъ изъ зятѣвъ, тотъ самый, который говоритъ, что пора бы убѣжать изъ имѣнія, вдохнулъ съ разочарованіемъ, но сдержался и корректно сказалъ что-то въ родѣ того, что воля покойнаго должна быть священная; второй зять мезанхольчески кивнулъ головой, онъ былъ огорченъ очень сильно, но сознавалъ бесполезность и невосвѣщенности какихъ бы то ни было протестовъ: сестра-франтиха подзакрѣла глаза, быть-можетъ, мысленно рисуя себѣ второе траурное платье, которое она заказала, вернувшись въ городъ; Михаилъ Павловичъ молчалъ, Зина накинудась на всѣхъ:

Что же вы молчите? Говорите же наконецъ!

Всѣ съ недоумѣніемъ смотрѣли на Зину и продолжали молчать; тогда она кинулась къ матери:

— Заставьте ихъ говорить, мама!

Михаилъ Павловичъ сказалъ сурово:

— Стыдно, Зина. Не тревожь маму. Стыдно, стыдись!

Зина поблѣла отъ злости, и, когда она заговорила, Наташа не узнала ея голоса.

— Мнѣ стыдно? А тебѣ не стыдно, любимчикъ? — спросила она со злобой, которую старалась, но почти не могла сдержать. — Тебѣ не стыдно взять Горенки?

— Но вѣдь ты выдѣлена уже... Ты получила свою часть...

— Мою часть?

— Ну, да.

— Мою часть? Скажи ему, что стоятъ наши части, Маруся!

Маруся поджалась, и губы красными пятнами выступили на ея щекахъ.

— Когда мама выдѣлила насъ, Мишень? — сказала она. — Когда это было? Бумаги унази. Что стоить онѣ въ сравненіи съ прежними? А земля? Земля поднялась въ цѣнѣ. Тебѣ должно быть стыдно, всѣмъ братьямъ стыдно, а не намъ.

Ты, любимчикъ, тихоня, стыдись! Смились!

Наташа съ ужасомъ вслушивалась въ злые слова сестеръ и думала о томъ, что общая скорбь не сблизила семью, не заставила ее быть дружнѣе и магнее; напротивъ, дѣлаетъ наслѣдства перессорить и разъединить: всѣ думали о наслѣдствѣ и какъ будто не думали о томъ благородномъ человѣкѣ, который оставилъ его.

Слова звучали все неприязненнѣе и рѣзче, уже видно было, что говорились они не для того, чтобы выяснитъ истину, выяснитъ отношенія, а чтобы нанести обиду, причинить боль. Михаилъ Павловичъ сдерживался, но это ни къ чему не вело. Зина кричала матери:

— Это плохо! Это низко! Мама, скажите же ему, что это низко, что это — грязный грабежъ!

Мужчины старались успокоить сестеръ, а онѣ выкрикивали, задыхаясь, трепеща отъ злобы и бѣшенства, что-то несообразное, что-то дикое, что-то такое, чему трудно было подобрать названіе; говорили, что имъ придется идти въ руки по міру, благодаря братьямъ, и что онѣ ни за что не отдадутъ Наташѣ серебрянаго самовара и подноса, которые мать хотѣла ей подарить; что цуетъ у нихъ серебра на шестьдесятъ персонъ, онѣ не позволяютъ взять пѣзъ дома ни одной серебряной ложки, хотя собственно о ложкахъ никто изъ присутствующихъ не поднималъ рѣчи; сестры поминали о какихъ-то драгоценныхъ вещахъ, о какой-то ротондѣ и воротникѣ черной охрой анемъ: крупное было смѣшано съ мелкимъ; налетѣвшая буря подняла со дна души затаенную накинъ и грязь. Становилось безконечно тяжело и безконечно жутко въ этой атмосферѣ злобы и жадности. Наташа хотѣла броситься къ мужу и закричать:

Отдай имъ Горенки, Мишень! Отдай имъ все!

Но крики Зины предупредили ея крикъ: упавъ на коверъ кабинета, Зина билась въ истерику и выкрикивала:

— Хороши братья! Мама, что же вы смотрите? Они хотятъ ограбить вашихъ дочерей!

И тоже близкая къ истерикѣ Наташа повторяла безсмысленно:

— Онѣ хотятъ ограбить насъ, Мишень! Бѣжимъ отсюда, бѣжимъ!

И ей хотѣлось отступиться отъ наслѣдства, бѣжать, бѣжать изъ усадьбы, бѣжать какъ можно дальше и какъ можно скорѣе.

Мишень думать о смерти и жизни и о томъ, насколько славная смерть прекраснѣе и выше этой безславной жизни среди алчности, злобы и свара...

У грани.

1.

Близка заутрени солдата...
 Когда послѣдняя граната
 Взорхнетъ побѣдныя поля,
 Мы будемъ пьяными отъ клика—
 Увидитъ миръ, какой великой
 Ты встанешь, Русская земля!
 Въ послѣдній разъ кровавой пашней,
 Какъ побѣдители, безстрашно
 Пройдутъ славянскіе полки,
 И воздухъ, сираломъ напоенный,
 Обвѣетъ гордыя знамена
 И продымленные штаны.

2.

Всѣ будутъ слышать ихъ далече,
 Когда объятія настрѣчу
 Раскроетъ имъ свободный галль
 И съ русскимъ гимномъ марсельеза
 Спаяетъ стойкій, какъ желѣзо,
 И братски радостный закалъ.
 Въ союзъ британскаго солдата
 Да будетъ дружба ихъ трисвята
 И перунина на вѣка!
 Передъ союзою твердиной
 Надутъ нѣмецкія гордыни
 И посрамленные войска.

3.

Поля, повижженныя битвой,
 Озолотятся новой жнитвой,
 И вылетѣтъ пахарь, сынъ земли,
 Ровнять воронки мирнымъ плугомъ,
 А по небу спокойнымъ пугомъ
 Опять потянутъ журавли.
 А захлебнувшіеся кровью
 Тѣ, кто перелѣтъ грядущей новью
 Ничуть не славягъ тропарей,
 Тѣ у расцвѣтающихъ околицъ
 Устынать слезы богомолицъ
 И вопли сиротъ матерей.

4.

Имъ будетъ день зловѣщъ и страшень:
 Славянство встанетъ изъ развалинъ,
 Подъявъ многострадальный стягъ,
 Изъ сербскаго воскреснетъ гроба,
 И будетъ вражеская злоба
 Плясать у Сербіи въ ногахъ!
 Близка заутрени солдата,
 Славянский братъ обниметъ брата
 Близки побѣдныя поля!
 Мы будемъ пьяными отъ клика—
 Увидитъ миръ, какой великой
 Ты встанешь, Русская земля!

Александръ Дроздовъ.

На закатѣ.

Разсказъ Алексѣя Липецкаго.

— Ну, и вотъ, значитъ, попался это одинъ нашъ офицеръ въ плѣнъ. Скрутили его австрийки, поставили передъ собой и говорятъ: „такъ и такъ, молъ, выдавай наши русскіе секреты, а не то сейчасъ башку долой“. Видитъ нашъ офицеръ,—дѣло—табакъ;

выхватилъ пистолетъ. Бацъ, бацъ—двухъ австрийковъ уложилъ...

— Пойстой, пойстой! Какъ же это онъ могъ стрѣлять, когда, говоришь, его связали по рукамъ и по ногамъ?

На кавказскомъ фронтѣ. Пластуны вступаютъ въ захваченное турецкое селеніе.

На кавказском фронте. Стрельба по передвигающемуся противнику.

— А ты едущий, да не перебивай. На то он и офицер, чтобы в такую ни на есть трудную минуту за отечество мог постоять. Пристрелил он это двух австрийков и ждёт, что дальше будет. А дальше было не так как сладко. Другие австрийцы, что остались в живых, взяли его, отрывали ему, сердешному, руки, ноги по самое туловище и бросили. Идущий, дескать. Да не так он был русский офицер. Скоком-бокком, катуном-ходунцом, кое-как, через силу докатился он до границы земли нашей, а наутро был уже около царского дворца. Принял его Царь, повелел ему на грудь Егорьевский крест и говорит: „молодец ты! С такими моя земля не пропадёт. Говори, по правде, чего ты хочешь: десять тысяч денег, или чтобы тебя подчинили четыре полка?“ — „Командовать хочу, Ваше Величество!“ — отозвался храбрый русский офицер. Вот какие понки есть на свете!..

Разсказчица восторженным взглядом посмотрела на слушателя, точно желая этим взглядом окончательно сломить его добродушное, чуть-чуть насмешливое недоверие. Но не так-то легко было это сделать. Слушатель — старый сапожник Ермоланч — сам человек военный, александровский солдат, выдавший на своем вью виде. Ко всему, что рассказывали в слободке падки на небывальщины бабы, он относился весьма критически.

— Хороша твоя сказка, Лаврентьевна, забориста, слов нет, а только мудрено что-то... Вошь, у нас на дворе чурбан какой уже год лежит и что-то куда не катится. А ведь офицера-то бедного австрийца обдирать не хуже этого чурбана... Э-э, темненько становится... Щетиной в дырку не попадешь...

Ермоланч отложил в сторону начатый сапог, сдвинул на лоб очки, оправа которых, надо полагать, была когда-то металлическая, а теперь представляла собою сплошное, немовёрно замусленное пулево из дратвы, сладко збынуло и медкими частыми крестиками несколько раз перекрестил рот.

— Ты, сосед, всегда не вришь. Чего ни рассказываешь... Такой уж не вёрный человек.

Соседка, мня восторженное выражение лица на недовольное, слезила в карман юбки, достала жестяную коробочку с табаком и папиросной бумагой, свернула „круточку“ и продолжала:

— Ты, пожалуйста, и вот этому не повторишь?

Чему? улыбнулся, спросил Ермоланч.

В потухающем свете закатных красок, сторбенный сидеть старого сапожника выглядел как-то особенно уныло и трогательно; что-то безпомощно-детское было в нем и в свете с тем — большое, нахмуренное, приобретенное за многие десятки прожитых лет. Чувствовалась в старике какая-то неопытная внутренняя сила, перетягивавшая брала непольной робостью и уважением.

„Этаким терпеливец! — подумала, глядя на него, соседка. — Сына на войну ушли, жена тронулась, а его Бог милует. Тачает себя, как ни в чем не бывало, сапоги да пошмивает.“

— Ну, что же ты! Расскажи, расскажи, а я послушаю, — сказала Ермоланч. — Кстати огоньку надо засветить, огоньку...

При свете жестяной лампы, подвешенной на самодельном

На кавказском фронте. Редкая стрельба из онопов.

крюк в потолочной балке, в горнице можно было рассмотреть еще одного человека.

На темях, обняв руками согнутые колени и упершись в них подбородком, сидела благообразная, очень худая старушка. Вотосы ее были настолько стлы, что можно было подумать, что она повязана белым платком. С могомической равномерностью маятника старушка тихо покачивалась на лежанке из стороны в сторону. Порой старушка что-то шептала бледными иссохшими губами. Разговоры Ермоланча с соседкой, повидимому, совершенно не затрагивали ее сознания.

Рота знаешь? спросила соседка, подходя ближе к Ермоланчу.

— Это Ярыгинского-то? У которого в позапрошлом году дёвку убитую нашли? Как же не знать. Знаю. Я, бывало, ездивала туда, заказы бирали...

Ну, вот. Тамоний мужик надели на базар рассказывал. Рот-то этот самый задумал на немецкую сторону перейти. Лють быт барин, не даром из немецов, а врь суций, мужиков пот каблук загал. Как задумал он это, значить, утекать в немецкую землю, собрал все свои деньги в большой дубовый гроб и отправил за границу. На почт втупрож хватились. Что да как. Видят, несладное гроб. Вскрыли, а в гроб — золото и бумаги всякие. Кинулись в нитие — ухал, говорят, сами не знаем куда. Однако понался он около самой ни на есть границы. Ответил его теперь, друга милого, в Москву, посадили на цепь и скоро казни предать. И, рассказывал мужик, на казни эту повезут смотреть всех ярыгинских мужиков и баб. Вот жалко, я-то не ярыгинская, тоже бы съездила на казненный счет в Москву, посмотрела бы да, кстати, и угодишкам московским поклонилась...

Соседка подперла подбородок рукой и смотрела на Ермоланча так, словно от него зависело устроить ей желанную поездку.

— Да, вот какие штуки-то... Гроб, говоришь... Эх-е-е! Дёла наши дёльные, дёльные-двуножные...

В ласково-трепетном голосе Ермоланча слышались все те же игривые нотки недоверия. Но старый сапожник больше не возражал соседке из опасения огорчить ее; она очень не

На кавказском фронте. Пластуны-бомбометатели.

долюбливала, когда к рассказываемым ею новостям относились недоверчиво. „Люди говорят, — не я, а глас народа — глас Божий, у Бога же неправды не может быть“, — зивляла она из подобных случаев, и слушатели на такой ибский сдлогизм ничего не могли возразить.

А ты послушай, Степан, Ермоланч, что соседка-то Жигалица пишет. Третьяго-дня мать из волости письмо получила. Пришли они это в один немецкий город и расположились как бы на отдых. Город, улицы — загляденье, чистота. В какой дом, пишет, ни взойдешь — чаша полная, тут тебе и зеркала и диваны с пружинами и муляжа всякая. На муляжах на этих солдаты спали. А только и поспити же ударили немцы,

обиды даже кое-где остались на стол. Но только наши ни-ни: глядишь, а он с отравой. Вадремнули это солдаты, попили чашку там, али еще чего немецкого и устроили потеху. Вытащили из магазинных машин, как у нас в трактирах, по воскресеньям „Барыню“ и „Стрелочка“ режут, завили их все разом, какую на какой лад, и давай плясать...

Соседка взмахнула руками и засмеялась. Освященная лампой из-под жестяного круга, точно исподобия, картинка на стене, изображавшая бой у Августовских лесов, казалась, тоже улыбнулась своим своим красками.

— Уж насчет солдатской пляски-то позволенья, милая, знать. — замечать, все преобразилось, Ермоланч. Лицо его точно попало в полосу яркого полуденного света. Каждая морщина ожива, задвигается, затрещала, выражая глубокое душевное волнение. — Никто так не пляшет как солдат. — будто хотят перед смертью потешиться вволю от разудалых косточки. Поночь, бывало, на балконах. Метель, слышь, свету Божию не идти, а ударить кто-нибудь на тульском в пербор — словно тебя в рот обдаст. Выпрямись, крикнешь и — пошел...

В русском Эрзеруме. Группа турок, оступившая наших солдат с просьбой написать на бумажке „мирный житель“ — два слова, обеспечивающая их неприкосновенность.

Эрзерумь. Стамбульскія ворота.

Ермоланчъ попробовалъ выпрямиться, но ничего не вышло изъ его усилий — спина была, какъ сухая корига, онъ только пристукинулъ ногой и продолжалъ:

— Такъ, бывало, напаянешься — голова ходоромъ ходить. Одинъ разъ — Царство ему Небесное! — самъ великій князь Микотай Миколанчъ, отецъ нынѣшняго — изволилъ смотрѣть на мою пляску. Вотъ страху-то я тогда набрался. Подъ Плевной того не было. Пляшу, вывожу выкрутасы разные, прыгаю, а у самого по вѣшкурью — морозъ, морозъ... Вѣдь не кто-нибудь, а великій князь, братъ Государя Императора... Кончилъ я, — не вздохнуть... духъ заняло. Выткнулся въ струнку и жду. Ну, — думаю, — сейчасъ тебѣ, Ермоланчъ, — капутъ. Подошелъ ко мнѣ великій князь — двумя головами выше — смотритъ атакъ мудрено, — но понять, сердится онъ или въ расположеніи сердца, — похлопалъ меня по плечу. „Молодчина! — говоритъ. — Какъ фамилія?“ — „Кутуковъ, — отвѣчаю, — ваше императорское высочество!“ А наутро, смотрю, зовутъ мѣня нанять ротный командиръ. „Вотъ, — говоритъ, — Кутуковъ, получи двадцать пять рублей. Это отъ великаго князя. Выплясалъ, такъ выплясалъ, чубунище атакій!“ А самъ смѣется — радъ, что у него въ ротѣ это случилось... Вотъ она какая бываетъ солдатская пляска...

Глаза Ермоланча сверкнули, какъ угли подъ дуновѣніемъ вѣтра, и сейчасъ же погасли. Лицо омрачилось, сдѣлалось грустнымъ. Старый сапожникъ покосился поверхъ очковъ на свою старушку, продолжавшую монотонно раскачиваться, и добавилъ со вздохомъ:

— И Павлуша мой, должно-быть, такой же плясунъ въ полку былъ, какъ и я. Веселые мы... Царство ему Небесное! Ты куда же? Оставь чай пить... Давеча съ бѣлара свѣжикъ крепделей принесли...

— Спасибо. Свой поставила. Заговорила съ я. Ребятишки какъ бы тамъ не набѣдокурили. Ты ужъ, пожалуйста,

Стенанъ Ермоланчъ, почини къ воскресенью...

— Сказано вѣдь! — Ермоланчъ очень не любилъ, когда ему по нѣскольку разъ наминали объ одномъ и томъ же.

— Ну, прощай, Матрена Савишна, будь здорова...

— Прощай, прощай! Она не слышитъ... Отслушалась... О, Господи!...

Проводивъ сосѣдку, Ермоланчъ поставилъ самоваръ, напилъ чаю, напоилъ жену, убралъ посуду въ шкапчикъ и снова усялся за работу.

Безконечно долго, томительно, точно перегруженный возъ на гору, тянулось время. Однозвучно тикали на стѣнѣ маленькіе щербетны-часики; сухо постукипалъ молотокъ, загоня въ спиртовую подшву бѣлые ровные гвоздики; поиманный трубою вѣтеръ съ надобными кошачьими подвыпаньемъ рвался наружу. Ермоланчъ невольно прислушивался къ этимъ звукамъ, — то ко вѣсму вмѣстѣ, то къ каждому въ отдѣльности, — и какая-то огромная, тяжелая, какъ пудовый гнетъ, дума ложилась на его старое сердце.

Онъ не могъ охватить сознаниемъ этой думы, — слишкомъ велика была она, да старикъ и не пытался этого дѣлать, довольно было того, что вся прожитая жизнь отъ начала до конца вставала передъ нимъ, какъ на ладони.

Вотъ деревня Сумиловка, барскій домъ, дворня, копошникъ, огромная царина...

Вспоминая этотъ періодъ своей жизни, Ермоланчъ до сихъ поръ не могъ рѣшить — хорошо или плохо жилось ему тогда, не могъ рѣшить потому, что съ одной стороны — трудная, подчасъ невыносимая барщина, а съ другой — полное приволье, достатокъ во всемъ, урожайныя золотыя нивы, нерешенные зерномъ глубокіе закрома и, вдобавокъ, сѣроглазая красавица Мотя. Нѣтъ, скорѣе хорошо жилось. Только не долго длилось счастливое время. Постучалась въ окна стѣры непогожая осень, пріѣхали на деревню солдаты-пріемники, и Ермоланча „забрали“. Много лѣтъ подъ рядъ отдежурилъ онъ въ своемъ Колыванскомъ,

Эрзерумь. Военный турецкій лазаретъ.

На кавказскомъ фронтѣ. Изъ жизни экспедиціоннаго корпуса. Переходъ рѣки

драгунами С. полка.

и ужъ постѣ Санъ-Стефано вернулся домой. Вмѣсто прежней непосѣдливой хохотушки Мотя встрѣтила его пожилая, степенная женщина. Въ деревнѣ все стало по-новому. Господа, отступивъ крестьянъ, разъѣхались, кто въ Парижъ, кто въ Москву, и пришлось Ермоланчу на скотѣ лѣтъ выбирать себѣ какое-нибудь ремесло, такъ какъ земли ему почему-то не досталось. Поселился Ермоланчъ въ слободѣ, поближе къ городу, и потъ съ тѣхъ поръ тачаетъ, не спѣша, на православный народъ сапоги. Шилъ онъ не особенно факонисто, зато крѣпко; не любилъ, какъ нынѣшніе мастера, шить кое-какъ, на живую нитку, лишь бы сдать заказъ и получить деньги. „Ужъ, если шовъ, — говаривалъ Ермоланчъ, — такъ клади его шмертво, чтобы — амниш, до износу!“

Трудные балканскіе переходы мало отразились на могучей натурѣ бывшаго крѣпостного. Одного за другимъ родили ему Мотя тронхъ молодцовъ. Одинъ, померъ, а двое выросли, поступили въ ученье и пошли по разнымъ путямъ.

Старшій Василій пристрастился къ билльярду, но пѣвнымъ почамъ пронадать въ пивныхъ и трактирахъ, пропивая и проигрывая все дочиста, и кончилъ тѣмъ, что однажды подъ пьяную руку раскронилъ кому-то пивной бутылкой черепъ и угодилъ на каторгу, въ рудники. Недавно Ермоланчъ узналъ, что на каторгѣ Василій проскрипѣлъ недолго — загрызла чахотка.

Меньшой Павелъ уродился со-вѣтъ другимъ.

Работая по слесарной части на небольшомъ ремонтномъ заводѣ, онъ скоро достигъ въ своемъ ремеслѣ большого искусства, имѣлъ множество заказовъ на дому, а когда въ уѣздѣ открылся металлургическій заводъ, поступилъ туда. Черезъ годъ Павла взяли въ солдаты. По возвращеніи съ военной службы онъ опять былъ принятъ на заводъ, дошелъ до шестидесяти рублей въ мѣсяцъ жалованья и собрался уже обзавестись собственнымъ семействомъ, — какъ была объявлена война.

Уходъ Павла больше всего повлиялъ на старушку-мать.

У нея отяжелась память. Она совершенно забыла прошлое, точно кто украсть у нея изъ головы волшебную катушку, на которой была намотана нѣстрая лента воспоминаній: старушка помнитъ только одинъ моментъ въ жизни — на станціи переть отходить воинскаго поѣзда, когда держала сына въ объятіяхъ. Ей и теперь казалось, что сынъ около нея. Обнищая свои котѣши, она воображала, что это сынъ, и улыбалась ему и шептала что-то ласковое, бесконечно жалобное.

Подбигъ одинъ сапогъ, Ермоланчъ, принялся за другой. Вотъ старый сапожникъ тихимъ, едва слышимымъ теноркомъ затянулъ любимую пѣсню:

Скучно, грустно мнѣ.
На чужой сторонѣ.

Какъ я вспоминаю, какъ я жилъ —
Свѣтъ становится не милъ.

Старшій очень любилъ эту пѣсню. Другой онъ не знаетъ. Грустно, неспелъ ли онъ постоянно напѣвать ее, и, какъ трубачъ на курлычника, какъ стаханчикъ на пьющаго, она дѣйствовала на Ермоланча самымъ благотворнымъ образомъ.

Въ пѣснѣ разсказывалось о томъ, какъ русскіи войска переходили Дунай, какъ воевали съ турками, какія трудности приходилось имъ выносить на своихъ богатырскихъ плечахъ...

День дрожалъ,
Ночь не спитъ...
Сѣны румять,
Турокъ думать...

Каждое слово вызывало въ памяти цѣлыя картины: осада, вой и грохотъ орудій, кровь, стоны умирающихъ...

А нѣтъ, явившаяся черной кошкой въ трубу, точно вторилъ старому сапожнику унылымъ тонкимъ подвываньемъ, точно вспоминалъ заодно съ нимъ трудную боевую жизнь, и отъ этого на сердцѣ становилось тяжело-тяжело, какъ будто оно медленно опускалось въ какую-то ледяную узкую прорубь. Но Ермоланчъ

На кавказскомъ фронтѣ. Крутой спускъ въ долину.

продолжать ить дальше, рисуя словами песни все новые и новые картины.

Кто лежит без руки,
Кто лежит без ноги...

Наконец турки были разбиты. Заключение мир. Усталые, обносившиеся в клочья, бредли русские отряды обратно, к себе на родину. Путь лежал через Малороссию. Гостеприимные хохлушки радушно звали к себе на постой солдатиков, но —

У хохлушки, у хохла
Ни двора, ни кола...

«Но взыщи, значить», мысленно комментировал Ермоланч слова песни. Потрясая немнужными сухариками, разувшись, солдаты уже готовы были задать на чистом глиняном полу ханака, но чубастый хохот дразнил в это время куда-то за печку, доставать нетронутой, спущенной наподобие красной пышки, колоду, и — пелось в песни:

Сядем в карты играть,
Чтобы скуку разогнать.
Мы потеем, не робеем,
Чтобы фофаном не быть...

Далеко за полночь шла веселая игра в «дураки» и «по носам». А на зорьке, только деревенские пернатые крикуны, захлопав крыльями, оповещали о наступлении дня, — чернوبرовая хохлушка будила гостей, потчевала кушомом, и солдаты, позавнав на плечи свои ранцы, брели до следующего гостеприимного села.

— О-ох, дѣла, дѣла... Всего было, вздохнуть старый сапожник и оглянувшись на тежанин произошло какое-то движение.

Старушка, обернувшись лицом к стѣнѣ, где под восточной висѣло носильное платье ушедшего на войну сына, протягивала перед собой руки, точно навстрѣчу кому-то, видимому только ей одной. Выраженія ея лица Ермоланч не видѣлъ, но по ея торопливому безсвязному шопоту можно было понять, что старушка испытывает необыкновенное счастье.

— Павлуша... сыночек мой... Рубашечку-то, рубашечку новую... Текла рѣчка по дугу, а сыночек по дому, — шептала она, захлебываясь слезой, торопясь, точно опасаясь, что ей помѣшают сказать все, что накопилося на душѣ.

Вот она засмѣялась, пронзительно, дико, — у Ермоланча невольно зашевелились утѣшавшіе на вискахъ волосы, — и крѣпко стиснувъ руками колѣни, замерла и снова закачалась, какъ зыбка, изъ стороны въ сторону.

Ермоланч подошелъ къ жещѣ.

Мотя. Мотюшка, что ты... Господь съ тобой... Счастливая... У нея есть сынъ, а у меня нѣту... нѣту... — Голосъ Ермоланча дрогнулъ. Вскочив, вонъ, пинжачки, жилеточки, точно Павелъ дома... А онъ... Эхъ!.. Старуха, старуха, дожидая мы съ тобой... Ну, услышь... услышь хоть одно слово... отзовись... Видъ Павлуши-то нѣтъ. Убить онъ, убить... Положить животь свою за отечество... Герой онъ... а ты не знаешь... Услышь!..

Но старушка молчала, продолжая тихо покачиваться, и смотрѣла куда-то далеко-далеко, сквозь мужа, сквозь штукатуреную стѣну, сквозь темносиній сумракъ зимняго вечера...

Вззз... взззз... лавывать въ трубѣ вѣтеръ.

Жутко, нехорошо было.

Если бы покойникъ, — совсѣмъ другое дѣло: Ермоланч, перевидавший на своемъ вѣку тысячи самыхъ ужасныхъ смертей, не боялся бы, зная, что человѣкъ мертвъ, и приготовился въ селеніи праведный и лежить на столѣ тихій, застывшій, въ ожиданіи мѣста послѣдняго упокоенія, — но тутъ было такъ, какъ будто старушка умерла заживо: она еще продолжала жечь, шить, двигалась и говорила, но душа ея, ея мысли, чувства витали уже въ другомъ мѣрѣ, таинственномъ и непонятномъ, котораго Ермоланч не могъ постичь и принять, такъ какъ не могъ отрѣшиться отъ мысли, что сынъ погибъ и никогда больше не придетъ домой. И, пожалуй, не то было страшно, что старушка жила въ какомъ-то жуткомъ призрачномъ мѣрѣ, а было странно другое, — странно то, что она никогда не узнаетъ о смерти сына, не благословитъ, какъ мать, эту славную смерть и,

умирая въ послѣдствіи сама, не будетъ думать, что отдали родни самое дорогое, любимое.

Нѣсколько минутъ стоялъ Ермоланч у дежанки въ глубокомъ раздумьи. Простился слезы, но мысленно ли плакать ему, старому балканскому герою? Ермоланчъ только сдерживалъ съ досадою свой заскорузтый холщевый фартукъ и отшатывался отъ дежанки.

Въ это время скрипнула дверь. По полу, извиваясь, потѣли бѣлые студеныя облака морознаго воздуха.

— Степанъ Ермоланчъ, здорово! Проститься пришесть...

У порога стоялъ, потирая руки, столѣрь Дмитрій Маныкинъ, товарищъ убитаго Павла, худощавый, чуть сутулый челоуѣкъ, съ окладистой черной бородой и густыми, темными, не уязвляющимися глазами. Маныкинъ былъ страстный охотникъ. Онъ не столько пилъ, и строгать, сколько вѣсовъ съ неслѣдственными, одноухимъ, фингаломъ, лавилъ по болотамъ, бродилъ по дѣсамъ и лугамъ, выслеживая осторожную дичь. Мѣлка двустоволка подарокъ Павла — была единственнымъ и незаменимымъ его утѣшеніемъ.

Здравствуй, Митрій Вакулычъ. Ахъ выгоняютъ!

— На полуношномъ вѣдѣ. Вѣдѣ. Степанъ Ермоланчъ... да... А бабушка все качается?.. Горько...

Маныкинъ вздохнулъ, и трудно было понять, что скрывалось за этимъ вздохомъ. Маныкинъ былъ женатъ, имѣлъ троихъ ребятишекъ — естественно было ему вздохнуть, уходя на войну. Но старый Ермоланчъ, принявшій вздохъ Маныкина за выраженіе печали, глубоко ошнлся.

— Вѣдѣ, вѣдѣ! — повторилъ столѣрь, подходя къ столу, покрытому бѣлой филейной скатертью и разсматривая на стѣнѣ сотни разъ виданныя фотографіи. Да вотъ жалко, что не прямо на позиціи. Смерть какъ хочется пострѣлять. Вѣдь, ты знаешь, ружье-то у меня отобрано — свидѣтельства не имѣлъ. Тоска, ей-Богу. За всю зиму ни разу не цукнуть. А пушинны, какъ нарочно, видимо-невидимо. Вѣрнѣе слову, лещицъ этихъ, зайчатъ — вся округа помкнулась. И волкъ есть... есть волкъ...

Говоря это, Маныкинъ самъ напоминалъ волка, молодого, подбористаго, готоваго каждую минуту снаться до бычу. Глаза столѣря густо поблескивали, а руки, мозолистыя, пропитанныя смолой и лакомъ, нетерпѣливо торжественно хватили шланку-треуху.

— Это съ войны набѣжали, безиремѣнно оттуда, — сказалъ Ермоланчъ.

— Я тоже такъ думаю. Ахъ ты, пизда неточная! Тутъ бы, понимаешь, душу отвести, по снѣжку, этакъ, пробѣжаться утречкомъ, — пѣтъ, поди жъ ты! — какъ на это, ружье отобрано. Ты, пожалуйста, Степанъ Ермоланчъ, сходи — по снѣгу за трудъ — къ уряднику, скажи, чтобы жени ружьишко отдалъ. Вернусь съ войны — пострѣлю; гебъ безиремѣнно ансу на шланку, а не вернусь — Наталья да двѣ красненькихъ продастъ кому-нибудь. Вѣдь ружье-то цѣны имѣтъ, какъ не было цѣны Павлу... Припомню же я краснощеки своего друга!..

Маныкинъ говоритъ все это такимъ тономъ, какъ будто не ему предстояло черезъ пять-шесть часовъ ѣхать въ губернский городъ, где формируется дружина на Кавказъ, и где онъ присягнетъ защищать свое отечество до послѣдней капли крови. Столяръ былъ совершенно спокоенъ.

— Вотъ это дѣло... Это по-нашему... Люблю такихъ... Эхъ, Митюша! Если бы не снѣгу тутъ, Ермоланчъ похлопалъ себя по горбу, восемь десятковъ съ гакомъ, пошелъ бы и я. Ужъ больно мнѣ хочется хоть глазкомъ однимъ взглянуть на яснаго сокола нашего, на Главнокомандующаго войсками. Отецъ Царство Небесное! — былъ орелъ, а этотъ, говорятъ, вѣсьмъ орломъ орелъ. Валавнуть бы и умереть. Да куда ужъ мнѣ... Ты вотъ что, дорогой мой, коли придется тебѣ увидать въ лицо Великаго Князя, перекрести его издала и впомни въ ту пору обо мнѣ. Оно выйдетъ такъ, какъ будто это я перекрестилъ. Не забудь, родной!..

Ермоланчъ открылъ старый потертый сундучокъ, стоявшій около дежанки, порылся въ какихъ-то пестрыхъ тряпичкахъ, сунулъ что-то въ карманъ и опять закрылъ сундучокъ.

— Безиремѣнно, Степанъ Ермоланчъ, исполню. А тутъ можешь объ насъ грымныхъ... Мотива она чудеса дѣлаетъ... Ну, а теперь прощай!..

Ермоланчъ перекрестилъ Маныкина, трижды поцѣловался съ нимъ и торопливымъ недовѣмъ движениемъ что-то опустилъ ему въ ладонь.

Вольми, вольми... Мы старіе — намъ не надо. А твой придается... Бери, бери...

— Бабушка, прощай!.. Не слышишь... все качается...

Столяръ и старый сапожникъ вышли на улицу. Исполнивъ аквариумнымъ куполомъ вѣсѣю надъ землей вечернее небо, а за этимъ куполомъ, сквозь безчисленныя маленькія стверстія, видѣлся какой-то золотой, ослѣпительный мѣръ.

Звѣздочекъ-то! Не перечести. — мечтательно-грустно

сказал Ермоланчъ, прикрывая ладонью стынущую лысину. — Вываю, на Балканахъ — выйдутъ, тишина кругомъ, стыть, только въ горахъ морозъ постукиваетъ... а мы идемъ и глядимъ, глядимъ на звѣздочки... Въдъ каждая звѣзда — это душа чело-вѣческа. И съ каждымъ годомъ звѣздочекъ становится больше, какъ закроютъ все небо сплосъ, такъ, слыхалъ я, и свѣту конецъ... — Да, чудеса... Въдъ тамъ будемъ... А только стрѣляють охота. Какъ прѣиду въ дѣйствующую армію, первымъ дѣломъ въ раз-вѣду напрошусь, продолжать свое Маневръ.

Онъ еще разъ поцѣловалъ со старикомъ и свернулъ за уголъ. Ермоланчъ долго стоялъ за калиткой, прислушиваясь къ тому,

какъ вътеръ перебирать тонкій стеклярусъ на обледѣвшихъ вѣтвяхъ дуплистой, похожей на огромнаго сыча, лозинѣ. Вотъ на горизонтѣ что-то всыхнуло, зашлѣло, какъ зарево пожара, и по-внело надъ сумрачно-бѣлыми полями продолговатыми, мягко растущими пятнами. Это на лаводѣ спускали штакъ. Тремя огромными пальцами установилъ въ небо ирко выхваченный изъ мрака кирпичная трубы, словно земля указывала людямъ на то, что они забыли. Но одинъ только старый саножникъ видѣлъ и понялъ указующій жестъ земли. Понялъ и умилился душой, и ему уже не было жутко возвращаться домой къ тихому безумію своей материнской несчастной старушки.

Всероссійскій съѣздъ военно-промышленныхъ комитетовъ.

Неожиданная смѣна перваго побѣднаго періода русско-герман-ской войны горестными неудачами на Карпатахъ, въ Польшѣ и въ Курляндіи, вызванными недостаткомъ вооруженія и исто-щеніемъ снарядовъ, въ силу недостаточной производительности и общей дезорганизованности тыловыхъ учреждений, — пробудила русскія общественныя силы и заставила ихъ прѣйти на помощь

ссылкою одного изъ ораторовъ съѣзда, князя Львова, на надпись, дѣлаемую рабочими на артиллерійскихъ ишникахъ, посылаемыхъ на фронтъ: „Снарядовъ не жатьтъ“.

Несравненно ярче, отчетливѣе и точнѣе были подчеркнуты на съѣздѣ чисто-общественные и политическіе итоги предпринятой работы. При открытіи съѣзда, на которомъ присутствовало много

А. И. Коноваловъ.

Второй всероссійскій съѣздъ военно-промышленныхъ комитетовъ, засѣдавшій въ Петроградѣ въ концѣ февраля с. г. По фот. Я. Штейнберга.

военному вѣдомству въ дѣлѣ защиты родины. Само правитель-ство убѣдилось, что для борьбы съ Германіей и побѣды надъ ней ему кромѣ вѣдѣнныхъ союзниковъ нужны еще и союзники вну-тренній русское общество, русскій народъ. Великая битва на-родовъ съ многомилліонными арміями, съ десятками тысячъ ору-дій и пулеметовъ, съ милліардами снарядовъ, съ безконечными обозами грузовыми, паровыми и автомобильными требуетъ ко-лоссальной организационной дѣятельности въ тылу. По Царскому призыву къ общественной помощи откликнулись вся дѣловая Россія и подъ руководствомъ военно-промышленныхъ комитетовъ приспособила къ военнымъ нуждамъ огромное число всевозмож-ныхъ заводовъ, мастерскихъ и фабрикъ. Послѣ перваго, чисто-организационнаго съѣзда военно-промышленныхъ комитетовъ со-здалъ былъ въ концѣ февраля с. г. второй съѣздъ, который дол-женъ былъ подвести итоги первымъ и автомобильнымъ работамъ но-вой организации, высказать сказавшіеся недостатки и указать на необходимыя узученія.

Необходимость соблюдения военной тайны не дава возможности ознакомить общество съ общими итогами семимѣсячной работы нашей мобилизованной промышленности. Мы не знаемъ, чѣмъ успѣли сдѣлать для нуждъ арміи объединенные подъ руковод-ствомъ комитетовъ промышленники, не знаемъ, во что обошлась и что дала имъ помощь государству, мы не слышали никакихъ точныхъ цифръ, но уже ничто не сомнѣвается въ томъ, что наши арміи теперь не стоятъ безоружными передъ врагомъ, что онѣ навсегда уже вышли изъ роли живой мишеней для артиллеріи противника и на его смертоносный ураганный огонь отвѣчаютъ въ близкихъ весеннихъ сраженіяхъ не менѣе смертоноснымъ и не менѣе разрушительнымъ огнемъ. Вся статистика работъ мобили-зованной промышленности, въ сущности, исчерпывается только

членовъ Государственной Думы, Государственнаго Совѣта, главный интендантъ генералъ Шуваевъ и представители вѣдомствъ, пред-сѣдатель съѣзда А. И. Коноваловъ произнесъ горячую патриоти-ческую рѣчь. Онъ сказалъ, что „мировая война не только не на-несла, но еще, повидному, не достигла своего высшаго предѣла. Опасность еще не миновала. Врагъ будетъ сломленъ лишь въ длительномъ процессѣ борьбы, при величайшемъ напряженіи всѣхъ національныхъ силъ. Съ безмернымъ героизмомъ, съ желѣзной стойкостью и мужествомъ бьется наша доблестная армія за честь и свободу Россіи.“

„Величайшій долгъ страны облегчить ей эту борьбу, обезпечить побѣду, подчинивъ все свои производственные силы дѣлу снаб-женія и снаряженія арміи всѣмъ ей необходимымъ.“

„Въ общенациональной борьбѣ съ врагомъ, поднявшей и сплотившей все живыя силы страны, на долю военно-промышлен-ныхъ комитетовъ выпалъ тяжелый и отвѣственный трудъ прѣйти на помощь государственной власти въ осуществленіи задачи мо-билизации нашихъ промышленныхъ силъ.“

„Чувство полнаго удовлетворенія вызвали во всѣхъ дѣятеляхъ военно-промышленныхъ комитетовъ признаніе полезности ихъ тру-дѣ со стороны руководящаго большинства Государственной Думы и рѣчь М. В. Родзянко. Государственная Дума, призванная стоять на стражѣ всего дѣла національной обороны, своей мо-ральной поддержкой русской общественности совершила великое дѣло. Наше горячее желаніе — да будетъ прочной теоретическая дѣятельность Государственной Думы по укрѣпленію въ странѣ порядка и законности, и да будетъ непрерывнымъ благовопное теченіе ея работъ, необходимыхъ для блага родины, для нашей побѣды.“ (Аплодисменты).

„Въ настоящій моментъ, — закончилъ свою рѣчь А. И. Копо-

валовъ, — все наши помыслы тамъ, на поляхъ, гдѣ наша доблест-ная армія защищаетъ честь и свободу Россіи. И первый нашъ долгъ выразить чувство безконечнаго преклоненія передъ арміей, передъ ея подвигами. Чувство нашей гордости ея успѣхами, вы-растить неколебимую вѣру въ конечное ея торжество и побѣду.“

„Я предлагаю телеграммой привѣтствовать нашу армію въ лицѣ вѣдѣющаго Вождя Государя Императора“.

Предложеніе это было единодушно принято подъ громъ апло-дисментовъ, точно такъ же, какъ и предложеніе послать привѣт-ственную телеграмму Главнокомандующему доблестной кавказской арміи Великому Князю Николаю Николаевичу.

Такъ же единодушно принимается предложеніе привѣтствовать генерала Рузскаго, нашихъ вѣрныхъ союзниковъ — французскую и англійскую армію и бельгійскій народъ.

Въ отѣтъ на всеподданнѣе обращеніе съѣзда была получена телеграмма съ Высочайшимъ привѣтствіемъ съѣзду:

„Сердечно благодарю всѣхъ собравшихся на второй всерос-сійскій съѣздъ представителей военно-промышленныхъ комите-товъ за ихъ готовность работать съ полнѣмъ напряженіемъ силъ. Отуманяющія съѣздъ чувства служатъ для Меня ручательствомъ успѣшной дѣятельности всѣхъ военно-промышленныхъ органи-зацій и даютъ увѣренность въ томъ, что наши доблестныя войска будутъ снабжены всѣмъ необходимымъ для окончательной побѣды надъ врагомъ“.

„Н. КОЛ. ЛАН“

Отъ Великаго Князя Николая Николаевича была получена слѣдующая отѣтная телеграмма:

„Отъ лица геройскихъ войскъ кавказской арміи и отъ себя лично горячо благодарю второй съѣздъ представителей военно-промышленныхъ организаций за привѣтствіе по случаю взятія Эрзерума. Каждый разъ при вѣсти объ успѣхахъ дорогихъ на-шихъ войскъ дѣятелей военно-промышленныхъ и другихъ обще-ственныхъ организаций, трудящихся надъ дѣломъ государственной обороны, мнѣтъ съ чувствомъ удивленія сознавать, что по-вѣры, радующія всю Россію, подготовлены въ значительной сте-пени и ихъ патристическими неустанными трудами. Готовность общественныхъ силъ Россіи и впродѣе посѣбно содѣйствовать окончательному торжеству русскаго оружія служатъ лучшимъ залогомъ и дальнѣйшимъ его успѣхамъ“.

„Генералъ-адъютантъ Николай“.

Были заслушаны также телеграммы отъ главнокомандующаго арміями сѣвернаго фронта ген.-адъютанта Куропаткина, отъ героя Эрзерума ген. Юденича, военнаго и морского министровъ, отъ главнокомандующаго арміями западнаго фронта генерала Эверта, командующаго Балійскимъ флотомъ адмирала Кинина и Черно-морскимъ флотомъ адмирала Эбергарда.

Отъ имени черноморской столицы привѣтствовать съѣздъ, московскій городской голова М. В. Челноковъ.

Общее сочувствіе вызвала прочитанная представителемъ ра-бочей группы Гвоздевымъ декларация выражающая отношеніе русскихъ рабочихъ къ мировой войнѣ. Декларация свидѣтель-ствуетъ, что русскіе рабочіе дѣйствуютъ въ полномъ согласіи съ идеей защиты народовъ отъ военныхъ нападений и являются сторонниками энергичнаго участія пролетаріата въ самостоятель-ной защитѣ въ тѣхъ странахъ, для которыхъ война создаетъ опасность разгрома.

Другой представитель рабочей группы, Черогородцевъ, прочи-талъ докладъ о тѣсной связи продовольственнаго кризиса съ ра-бочимъ вопросомъ.

Докладчикъ отрицать увеличеніе заработной платы рабочихъ. Свѣ-дѣнія эти не соответствуютъ дѣйствительности. Такъ, въ текстиль-ной промышленности заработная плата увеличилась на 15—20%, а пищевые продукты удорожались на 30—40%.

По итѣнію докладчика, долженъ быть организованъ центральный органъ регулированія продовольственного дѣла. Очередной за-дачей должно явиться созданіе на ряду съ союзомъ земствъ, го-родовъ и военно-промышленныхъ комитетовъ, всероссійскихъ союзовъ кооперативовъ.

Къ свѣдѣнію гг. подписчиковъ „НИВЫ“.

При этомъ номерѣ „Нивы“ разсылаются всѣмъ гг. подписчикамъ вторая изъ даваемыхъ нами въ приложеніе карты:

„Карта военныхъ дѣйствій западнаго (русскаго) фронта“.

Считаемъ долгомъ предупредить нашихъ подписчиковъ, что карта вложена въ каждый безъ исключенія экземпляръ этого номера „Нивы“, и потому при полученіи номера подписчику надлежитъ убѣдиться, вложена ли въ бандероль съ номеромъ карта, и въ противномъ случаѣ, не принимая номера, требовать составленія акта, для чего немедленно заявить объ этомъ (лично или письменно) начальнику мѣстнаго почтоваго учрежденія.

Подобное же заявленіе слѣдуетъ также немедленно прислать и намъ, и мы спѣшно примемъ все мѣры къ разсыланію карты и къ выясненію виновниковъ похищенія.

Общую сводку официальныхъ статистическихъ данныхъ по про-довольственному вопросу дать статистикъ Прокопонищъ. Доклад-чикъ сообщилъ, что цѣны на хлѣбные продукты къ декабрю прошлаго года поднялись въ Москвѣ до 160%.

Размѣръ поставной площади сократился не менѣе, чѣмъ на 20%. Сильно уменьшилось и количество скота. Количество сельскохозяиственныхъ орудій недостаточно. Если мы не остано-вимъ продовольственнаго кризиса, онъ такъ ударитъ населеніе въ тылу, что окончательно оставитъ нашу родину. Ораторъ ука-залъ на бюрократическій характеръ особаго совѣщанія по про-довольственному дѣлу. Несмотря на то, что оно наполовину об-щественное, все-таки въ немъ роль общественныхъ дѣятелей сводится къ нулю. Вся исполнительная власть сосредоточена въ рукахъ министра — предсѣдателя совѣщанія. Практическая работа совѣщанія зависитъ исключительно отъ воли предсѣдателя. Не-мѣстахъ политическая дезорганизация. Комитетъ пяти министровъ направляетъ всю дѣятельность особаго совѣщанія. Докладчикъ пришелъ къ выводу, что необходима мощная общественная орга-низация, которая привлечетъ на себя всю борьбу съ продовольствен-нымъ кризисомъ и предупредитъ неслучайныя грозящія намъ бѣдствія.

Недовѣрчивое и даже враждебное отношеніе къ военно-про-мышленнымъ комитетамъ наблюдается со стороны нѣкоторыхъ вѣдомствъ. Докладчикъ Коншинъ назвалъ комитеты „пасыками“, которые встрѣчаютъ на своемъ пути всяческія затрудненія. По его мнѣнію, для болѣе тѣснаго сотрудничества вѣдомствъ и военно-промышленныхъ организаций можно допустить даже милли-таризацію тѣхъ заводовъ, которые уже приспособлены для изго-товленія предметовъ военнаго снаряженія. Предлагается также создать, по примѣру Англій, особое министерство государственной обороны и независимо отъ этого привлечь къ власти лицъ, поль-зующихся общественнымъ довѣріемъ.

Другіе ораторы отмѣчали упадокъ воодушевленія въ военно-промышленныхъ кругахъ и ставили это явленіе въ связь съ отрицательнымъ отношеніемъ гражданской администраціи къ работѣ комитетовъ. По итѣнію представителя красноярскаго ко-митета, необходимо опредѣленно заявить, что, пока у власти будутъ стоять люди безответственные, до тѣхъ поръ и власть на-мѣстахъ безответственна, и работа общественныхъ силъ будетъ встрѣчать всяческое противодѣйствіе.

Докладъ одного изъ видныхъ дѣятелей центрального военно-промышленнаго комитета, профессора Зернова, носилъ болѣе объективный и строго фактический характеръ. Онъ не отрицаетъ нѣкоторыхъ недостатковъ въ работѣ комитетовъ, западывая въ исполненіи заказовъ и проч., но считаетъ ихъ временными и проходящими и выражаетъ увѣренность, что теперь, когда орга-низационная работа комитетовъ закончена, они употребятъ все усилія къ болѣе успѣшному выполненію заказовъ, въ выпол-неніи которыхъ произошла задержка, а также урегулировать и вопро-сы о цѣнахъ на передаваемые къ исполненію предметы. Къ этому пожеланію съѣздъ долженъ отнестись съ особымъ внима-ніемъ и посмотреть на него не какъ на ныпадъ вѣдомства, а какъ на справедливое требованіе членовъ законодательныхъ палатъ, которые входятъ въ составъ особаго совѣщанія по обо-ронѣ.

По словамъ докладчика, придавая мѣрамъ къ ускоренію зака-зовъ рѣшающее значеніе, центральный комитетъ выдвинулъ проектъ учрежденія инспекцій, которыя должны состоять въ вѣдѣніи областныхъ комитетовъ, слѣдить за выполненіемъ зака-зовъ и принимать мѣры къ устраненію всѣхъ возникающихъ препятствій.

Н. Н. Саввинъ сдѣлать обстоятельный докладъ о всѣхъ пре-пятствіяхъ, возникающихъ въ работѣ механическаго отдѣла, а также о достигнутыхъ результатахъ. Въ послѣднее время работы по выполненію заказовъ на различные предметы снаряженія идутъ болѣе успѣшно, и въ скоромъ времени можно рассчитывать, что вообще это дѣло пойдетъ нормально темпомъ.

Огромное практическое значеніе имѣютъ резолюціи съѣзда о железнодорожныхъ перевозкахъ. Съѣздъ призналъ, что персво-

зачное дѣло въ Россіи находится въ состояніи серьезнѣйшаго кризиса, и потребовать принятія слѣдующихъ срочныхъ и энергичныхъ мѣръ къ устраненію возникшихъ затрудненій и неполадковъ:

1) восстановление на сѣти единой власти министра путей сообщенія; 2) уничтоженіе излишней централизаціи въ Петроградѣ распорядительныхъ и хозяйственныхъ функцій управленія сѣтью; 3) разработка согласованнаго съ государственными и общественными потребностями общаго плана перевозокъ и простыхъ приемовъ регулировки движенія вмѣсто царящихъ нынѣ хаоса и запутанности; 4) необходима неотлагательная выработка подробнаго плана возобновленія и ремонта паровозовъ и вагоновъ; 5) необходимо неотложное и искреннее привлеченіе къ дѣятельному участию въ упорядоченіи перевозокъ пораженныхъ комитетовъ съ надѣленіемъ ихъ нужными правами, полномочіями и средствами.

Дневникъ военныхъ дѣйствій.

Н. Шумскаго.

Сраженіе на нашемъ фронтѣ.

Послѣдній періодъ передъ распутицей ознаменовался довольно значительнымъ наступленіемъ нашихъ войскъ. Это наступленіе, имѣвшее мѣсто послѣ длительного, почти нѣтъмѣсячнаго періода затишья, было сочтено многими за начало тѣхъ крупныхъ операцій, которыя, какъ извѣстно, ожидаются съ началомъ весны.

Дѣйствительно, нельзя не признать, что для нѣмцевъ вообще было бы крайне важно начать операціи на нашемъ фронтѣ въ нынѣшнемъ году возможно раньше. Они сами всегда подчеркивали, что неудача Наполеона въ 1812 году произошла въ значительной степени отъ того, что онъ поздно началъ кампанію, а именно, началъ ее среди лѣта, 9-го іюня, переправой черезъ Нѣманъ у Ковны и, благодаря этому, потерялъ два мѣсяца теплаго времени. Это вынудило, по мнѣнію нѣмцевъ, Наполеона къ форсировкѣ операцій и было одной изъ причинъ, вызвавшей вмѣстѣ съ другими распаденіе великой арміи.

Объ этомъ намъ уже приходилось упоминать, и мы отмѣчали, что нѣмцы въ прошломъ году начали кампанію 18-го апрѣля, считывая, что за пять теплыхъ мѣсяцевъ имъ удастся съ меньшей торопливостью, а слѣдовательно и съ болѣе развѣреннойностью выполнить намѣченный походъ. Опытъ этого наступленія, какъ извѣстно, обнаружилъ, что нѣмцы, намѣревавшіеся пройти свыше 400 верстъ до Днѣпра, въ теченіе перваго лѣта войны оказались въ состояніи пройти только 200 верстъ, и въ то время, какъ Наполеонъ въ два съ лишнимъ мѣсяца все же какъ-никакъ дошелъ до Москвы, нашъ нынѣшній противникъ черезъ пять мѣсяцевъ сумѣлъ только застрять въ Пинскихъ болотахъ.

Это дало основаніе предполагать, что нѣмцы въ нынѣшнемъ году начнутъ кампанію не въ апрѣлѣ, а въ мартѣ, но климатическія условія, въ силу которыхъ распутица въ нынѣшнемъ году должна была наступить приблизительно въ то же время, какъ и въ прошломъ году, несомнѣнно въ значительной степени мѣшали столь раннему наступленію нѣмцевъ. Поэтому, когда начались бои на нашемъ фронтѣ, вообще было мало оснований видѣть въ этомъ большое нѣмецкое наступленіе, ибо оно все равно должно было прерваться черезъ двѣ-три недѣли вѣдѣствіе распутицы, а между тѣмъ нѣмцы, въ томъ числѣ и самъ Гинденбургъ, всегда заявляли, что, если они предпримутъ что-либо на нашемъ фронтѣ, то лишь крупное. Вполнѣ понятно, что ничего крупнаго нѣмцы не могли даже и замышлять въ мартѣ мѣсяцѣ, въ виду того, что всякіе крупные планы были бы парализованы неизбежной распутицей.

Съ другой стороны, въ тотъ моментъ, когда началась операція на нашемъ фронтѣ, нѣмцы были въ значительной степени связаны операціями у Вердена. Весьма серьезное „кровопусканіе“,

на ряду съ этимъ настоятельно требуется и самая безпощадная и энергичная борьба съ создавшейся вокругъ дѣла перепозки деморализующей атмосферой безответственныхъ воздѣйствій, своеволия, взяточничества и иныхъ преступленій, совершаемыхъ далеко не одними желѣзнодорожными агентами.

Эта борьба явилась непосильна для власти, ни путемъ административной ни судебной репрессій. Ее должна взять въ свои руки русская общественность въ союзѣ съ организованными силами желѣзнодорожныхъ служащихъ и рабочихъ.

Второй сѣздъ военно-промышленныхъ комитетовъ поручилъ центральному комитету разработать принципы и конкретные пути къ организаціи общественнаго контроля на мѣстахъ и вообще продолжать его работу по устраненію наблюдаемыхъ разстройствъ транспорта, ибо въ упорядоченіи работы дорогъ одинъ изъ серьезнѣйшихъ залоговъ правильной организаціи тыла и побѣды надъ врагомъ.

учиненное французами нѣмцамъ подъ Верденомъ, не могло не сказаться на инициативности нѣмецкихъ операцій, почему и трудно было ожидать отъ нѣмцевъ одновременнаго наступленія на восточномъ и на западномъ фронтахъ. Наконецъ, за все время войны можно было наблюдать, что нѣмцы строго придерживаются правила наступать только на одномъ фронтѣ, при обязательной оборотѣ на всѣхъ остальныхъ фронтахъ, — правила, котораго придерживался еще Наполеонъ въ своихъ войнахъ съ коалиціями.

Всѣ эти соображенія совершенно исключали возможность для нѣмцевъ начать наступленіе на нашемъ фронтѣ въ періодъ передъ распутицей, и это давало основаніе предполагать, что бои на нашемъ фронтѣ завязались главнымъ образомъ по нашей инициативѣ. Изъ германскихъ официальныхъ сообщеній, говорившихъ о значительномъ наступленіи нашихъ войскъ, а также изъ нашихъ сообщеній о завязавшихся сраженіяхъ можно было также видѣть подтвержденіе того обстоятельства, что наступленіе вызвано исключительно нашей инициативой.

Раіономъ операціи стали два соседніе участка фронта: прежде всего весь сѣверный фронтъ, т.е. фронтъ Риги-Двинскій, а затѣмъ соприкасающийся съ этимъ фронтъ участокъ западнаго фронта, вѣрнѣе сказать, участокъ между Двинскимъ и Виленскимъ раіонами. Наше наступленіе въ первые же дни дало прорывъ непріятельскаго фронта въ Якобштадтскомъ раіонѣ, и сверхъ того завязались довольно упорные бои впереди Риги. Въ Якобштадтскомъ раіонѣ противникъ вынужденъ былъ уступить намъ позицію близъ Августингофа и понести значительныя потери. Прорывъ, имѣвшій мѣсто на Якобштадтскомъ участкѣ, какъ вѣдѣствіи выяснилось, былъ неглубокъ и имѣлъ по преимуществу тактическое, т.е. мѣстное значеніе. Противникъ, подтѣнувшій вскорѣ свои резервы, пытался возстановить свое положеніе въ Якобштадтскомъ раіонѣ, вѣдѣствіе чего здѣсь завязались упорные бои.

Бои у Риги не дали опредѣленнаго колебанія въ ту или другую сторону и въ послѣдствіи вылились въ ожесточенную артиллерійскую перестрѣлку обѣихъ сторонъ.

Такимъ образомъ на сѣверномъ Риги-Двинскомъ фронтѣ первые дни наступленія дали продвиженіе нашихъ войскъ впередъ преимущественно въ Якобштадтскомъ раіонѣ.

На другомъ участкѣ атакованнаго нѣмецкаго фронта, т.е. между Двинскимъ и Виленскимъ раіонами, бои имѣли болѣе оживленный характеръ. Здѣсь, какъ извѣстно, имѣется цѣлая сѣть озеръ, въ промежуткахъ между которыми противникъ занимаетъ укрѣпленія позиціи. Эти промежутки, образующіе узкіе коридоры, дефиле между озерами, представляютъ весьма сильными позиціями, такъ какъ фланги этихъ позицій обезпечены озерами, и это вынуждаетъ къ фронтальной лобовой атакѣ. Тѣмъ не менѣе наши войска въ этомъ раіонѣ достигли наиболѣе

успѣховъ, занявъ сѣверо-западнѣе Поставы (въ Свенцяномъ направленіи) рядъ параллельныхъ окоповъ противника и въ то же время южнѣе, между озерами Нарочь и Винневское (въ направленіи Петроградъ-Варшавской дороги, южнѣе Свенцяны) взяли съ боя также рядъ укрѣпленныхъ позицій противника. При этомъ въ обѣихъ раіонахъ было взято около 1.500 плѣнныхъ германцевъ, въ томъ числѣ 20 офицеровъ, одно шестидюймовое орудіе, 22 пулемета, бомбометы и минометы, запасы снарядовъ и патроновъ и прочіе трофеи.

Изъ этого можно видѣть, что изъ двухъ нашихъ ударовъ, — одного на Риги-Двинскомъ фронтѣ, а другого южнѣе Двинска, въ Свенцяномъ направленіи, — наиболѣе сильнымъ былъ второй ударъ. Это вполнѣ предопредѣляетъ, что изъ этихъ двухъ раіоновъ бои наиболѣе важнымъ былъ раіонъ озеръ Нарочь-Винневское и мѣстечка Поставы, гдѣ и былъ главный очагъ сраженія.

Если обратить вниманіе на взаимное расположеніе сторонъ на всемъ нашемъ фронтѣ отъ Балтійскаго моря до Румыніи, то можно видѣть, какъ мы уже неоднократно отмѣчали, что наиболѣе слабымъ представляется расположеніе противника на Риги-Двинскомъ фронтѣ. Дѣйствительно, опытъ нашего послѣдняго наступленія въ мартѣ мѣсяцѣ вполнѣ подтвердилъ, что армія Белова, противившаяся отъ Риги до Двинска, чувствуетъ себя не достаточно устойчиво. Это мы вообще отмѣчали во всѣхъ нашихъ статьяхъ въ теченіе зимы, это и давало намъ основаніе предполагать, что всѣ соображенія о томъ, что противникъ будетъ угрожать Ригѣ и Двинску, въ высокой степени маловероятны.

Поэтому вообще можно было ожидать къ какому-либо серьезнаго развитія событій лишь на всѣхъ остальныхъ участкахъ фронта, кромѣ Риги-Двинскаго участка, и вопросъ сводится къ тому, гдѣ это оживленіе представляется наиболѣе вѣроятнымъ: на участкѣ отъ Двинска до Пинскихъ болотъ, или же на югѣ, на участкѣ отъ Пинскихъ болотъ до Румыніи, т.е. на Галиційско-Волынскомъ фронтѣ.

Для того, чтобы болѣе или менѣе разобраться, на основаніи тѣхъ общихъ данныхъ, которыя опубликованы, необходимо обратить вниманіе на то, что весьма серьезнымъ оборонительнымъ раіономъ противника являются Пинскіе болота. Еще прошлымъ лѣтомъ, задолго до окончанія наступленія нѣмцевъ, германскій канцлеръ наметалъ въ рейхстагѣ, что достиженіе Пинскихъ болотъ дастъ весьма выгодный опорный раіонъ для нѣмцевъ и позволитъ имъ сократить фронтъ своихъ войскъ на востокъ.

Значеніе Пинскаго раіона для противника сводится главнымъ образомъ къ тому, что, благодаря труднопроходимости этого раіона и многочисленнымъ укрѣпленіямъ, возведеннымъ здѣсь противникомъ за зиму, Пинскій раіонъ образуетъ собою нѣчто въ родѣ опорной крѣпости, составляющей основаніе всего расположенія противника на нашемъ фронтѣ. Поэтому вполнѣ естественно ожидать какихъ-либо наступательныхъ попытокъ противника преимущественно поблизости Пинскаго раіона, т.е. всего вѣроятнѣе, что противникъ будетъ пытаться продвигать впереди участка, соседняго къ Пинскому раіону. Какъ извѣстно, при нападѣ на какой-либо крѣпость, нѣмцы пытаются всегда опереть обѣ эту крѣпость одинъ флангъ своихъ войскъ и выдвинуть сосредоточенный войска на другомъ флангѣ.

Все это давало основаніе предполагать, что Пинскій раіонъ, по всей вѣроятности, будетъ той опорной точкой, опираясь на которую сосѣднія къ этому Пинскому раіону арміи противника придутъ въ движеніе. Отсюда наиболѣе вѣроятнымъ представлялось оживленіе фронта вѣрно отъ Пинскихъ болотъ и вправо отъ нихъ, т.е. оживленіе фронта къ сѣверу и къ югу отъ Пинскихъ болотъ. Такими участками фронта и являлись участки верхняго Нѣмана и озеръ (отъ Пинскихъ болотъ до Двинска) и участокъ къ югу отъ Двинска, такъ называемое Ровненское направленіе.

Именно на этихъ участкахъ и затронули послѣднія операціи нѣмцевъ въ прошломъ году: сѣвернѣе Пинскихъ болотъ, нѣмцы пытались закончить свою прошлагодною операцію виленскими обхватомъ и свенцянскими прорывомъ, но, какъ извѣстно, по-

Забайкалецъ. Картина И. Владимірова.
(XXXV выставка Общества Русскихъ Акварелистовъ 1916 года).

терпѣли здѣсь неудачу, а южнѣе Пинскихъ болотъ противникъ долго велъ наступательныя операціи на рѣкѣ Стыри даже осенью, т.е. по окончаніи своего большаго наступленія.

При такихъ условіяхъ Свенцяно-Виленскій участокъ съ одной стороны и участокъ отъ Пинскихъ болотъ съ другой стороны являются наиболѣе „впечатлительными“, и нѣтъ ничего удивительнаго, что на одномъ изъ этихъ участковъ, а именно на Свенцяно-Виленскомъ, и разыгралось послѣднее мартовское наступленіе. Это наступленіе, имѣвшее главнымъ образомъ цѣлью упрочить линію фронта къ предстоящей распутицѣ, вмѣстѣ съ тѣмъ имѣло бы показнато, что именно на этомъ участкѣ слѣдуетъ ожидать начала крупныхъ событій предстоящей весной. Самая же мартовская операція, какъ имѣвшая частной задачей исправленіе фронта, неизбежно должна была закончиться къ распутицѣ, которая, по примѣру прошлаго года, ожидалась приблизительно послѣ 20-го марта.

Конечно, нельзя не видѣть, что мартовское наступленіе, какъ операція, веденная въ довольно крупномъ масштабѣ, имѣло также отчасти и стратегическую цѣль, а именно содѣйствіе французамъ подъ Верденомъ, подобно тому, какъ Буковинская операція имѣла цѣлью оттянуть Макензена съ Балканъ, т.е. содѣйствіе союзникамъ у Вердена — была достигнута сравнительно скоро, ибо нѣмцы при первыхъ же ударахъ нашихъ войскъ на Риги-Двинскомъ фронтѣ и въ Свенцяномъ направленіи начали уносить нѣкоторыя части съ западнаго фронта на восточный, при чемъ замѣняли увозимыя части на французскомъ фронтѣ вновь сформированными частями германскаго ландштурма, доставленнаго изъ Германіи.

Объединеніе Европы.

(Политическое обозрѣніе).

Одна изъ главныхъ причинъ медлительности нынѣшней войны заключается въ томъ, что она ведется противниками далеко не равными средствами: въ то время, какъ всѣ наши враги — австрійцы,

венгерцы, турки, болгары и нѣмцы какъ бы слились въ одну тѣлу и слѣпо повинуются въ каждомъ движеніи своему мановенію руки императора Вильгельма, мы и наши союзники, напро-

KKBA

THE KANSAS KANSAS BUREAU OF AGRICULTURE

ННВА

Содержание — 111

И К В А

История и география

И К В А

И К В А

И К В А

История и география

